

Пётр
СТАНЕВ

Журка
Капитан
Тимоха
Дуэль

РАССКАЗЫ

Отряд
Грустное солнце
Пустая кровь
Летчик Петров

Дорогие друзья!

Очень надеюсь, что эта книжка с моими рассказами попадет, прежде всего, к моим друзьям. И если их прочитает не знакомый мне человек, то очень надеюсь, что он поймет меня и, может быть, я обрету еще одного друга. Это так прекрасно, когда у тебя много друзей, которые понимают тебя.

По складу своего характера, я считал себя тихим, не способным на серьезные поступки, которые могли бы как-то изменить что-либо вокруг меня. Я до сих пор не очень верю в себя, в возможность проявления с моей стороны каких-нибудь поступков, которые могли бы быть серьезно восприняты окружающими. Но, тем не менее, с подошедшей датой моего пятидесятилетия, я, немного оглянувшись на свою жизнь, вдруг увидел, что не все так просто было в ней. А покопавшись в памяти, я ужаснулся — неужели все это было.

И тогда я вспомнил о своих записях, которые я время от времени вел на простых листках из школьной тетради. Правда, некоторые записи, в виде рассказов, были напечатаны в районных газетах. Не я их относил туда, это опять же сделали за меня мои друзья, в частности Евгений Дивулин. Я не верил, что они заинтересуют кого-либо. Но результат небольшой, но был. Мною были получены даже некоторые отклики. Реакция же с моей стороны была обратной — я вообще перестал что-либо писать. Но судьба свела меня с людьми, которые приняли участие в издании этой книги, стали меня подталкивать к работе над записями. В результате, с некоторыми мучениями я систематизировал свои записи, кое-что поправил, изменил и получилось то, что получилось.

А вообще, я рад, рад тому, что сумел рассказать о своих друзьях, они должны узнать себя. Ведь они были рядом на протяжении всей моей жизни. Очень жалею, что много записей я не сумел сохранить, они пропали... Во время поступления в институт, пропали дневники с записями об армейской жизни. Жалею, что не вел систематические записи, а только время от времени. Но и то, что все-таки сохранилось, вдруг ожило. Это — как чудо.

Мне очень интересна ваша реакция, дорогие мои читатели, на мои труды

Ваш Петр Станев

ЖУРКА

Утро. Мягкий, свежий свет, крадучись, тайком, будто бы не желая будить безмятежно досматривающих свои сны домочадцев, вливался в квартиру. Все спали. Спала и Журка, белая, кудрявая, очень ласковая и умная собака, изредка подергивая ухом. Хоть ей и снились собачьи сны, врожденный инстинкт все слышать даже во сне, не оставлял ее. Сегодня суббота, значит все будут дома, будет веселая продолжительная прогулка, вкусный обед, ласки, игры.

Тихо тикали часы, за окном весело чирикали воробьи, беспокойно обсуждая план выходного дня, где-то проехала машина, хлопнула в подъезде дверь. Начинался день.

Журка вытянула лапы, сладко зевнула. Что-то увидев во сне, забеспокоилась в кроватке Машенька, девочка трех лет. Журка подняла свою кудлатую морду и посмотрела на свою юную хозяйку. Но девочка успокоилась, и Журка опять легла.

Первой поднялась Анна Николаевна, или, как ее зовет Машенька, баба Аня. Баба Аня, женщина сорока пяти лет, но она выглядит куда моложе. Поэтому слово «баба» к ней совершенно не подходило. Анна Николаевна, подвязав поясok халата, отправилась в ванную. Умывшись, поправила прическу и, закончив со своим туалетом, занялась делами на кухне. Журка тоже встала, вытянула передние лапы, прогнула спину и сладко зевнула, высунув свой длинный красный язык. Подойдя к кухне, Журка встала на задние лапы и, оперевшись передними о стекло кухонной двери, тихо поскреблась.

Анна Николаевна открыла дверь и впустила собаку. Подойдя к своей миске, Журка стала аккуратнo, чтобы не разлить, лакать воду. Анна Николаевна с грустью посмотрела на собаку и о чем-то задумалась. Журка вылакала воду, потрогала лапой миску и посмотрела на хозяйку, ей невыносимо хотелось на улицу. Анна Николаевна то ли поняла желание Журки, то ли руководствуясь выработанной привычкой, стала собираться на улицу.

Журка нетерпеливо вертелась рядом, стараясь лизнуть руку хозяйки, вставала на лапы, скреблась в дверь, словно хотела сказать: «Ну быстрее, быстрее же!». Анна Николаевна открыла входную дверь, и Журка со всех своих собачьих ног полетела по ступенькам, не дожидаясь пока вызовут лифт.

Выйдя из подъезда, Анна Николаевна искала глазами Журку. А та, радуясь свободе, свежему, опьяняющему воздуху, зелени, миллионам запахов, недоступных обонянию человека, бегала между кустов сирени. Анна Николаевна присела на скамейку и опять задумалась.

На днях Анна Николаевна получила письмо от брата Александра. Тот жил в Крыму, где-то недалеко от Симферополя. Он приглашал Анну Николаевну и семью ее дочери к себе на лето в отпуск. Они не виделись давно, изредка переписывались. Ей очень хотелось повидать брата. Дочь Ирина с мужем Алексеем обрадовались приглашению, побывать в Крыму было их давней мечтой, но никак не получалось — сначала родилась Машенька, потом не совпадал отпуск. Теперь такая возможность была.

Но один вопрос мучил Анну Николаевну: как быть с Журкой? Брать с собой ее нельзя, а оставлять не с кем. Хотела оставить у кого-нибудь на время отпуска, но все, к кому обращалась Анна Николаевна, ссылались на какие-то причины и мягко отказывались. Оставалось одно: по предложению Алексея свезти Журку на «птичку». Оставлять ее не с кем, да и вырученные деньги как раз будут кстати. Ведь на поездку в Крым нужна была изрядная сумма. Анна Николаевна сначала не соглашалась и даже слушать не хотела. Продать Журку — слыхано ли такое, да как можно и думать об этом! Но как Анна Николаевна ни сопротивлялась, а делать было нечего.

Машенька, услышав, что у них больше не будет Журки, разревелась и так вцепилась в Журку, что та перепугалась и спряталась под бабушкину софу.

* * *

Анна Николаевна поднялась, позвала Журку. Та послушно подбежала и, встав на задние лапы, лизнула Анну Николаевну в руку. Она погладила Журку, потрепала за ухо, проговорила: «Ну, Журка, пойдём собираться». Журка побежала и села у лифта, поглядывая своими умными черными бусинками глаз на хозяйку. Войдя в квартиру, Анна

Николаевна тихонько, чтобы, не дай бог, не разбудить Машеньку, впустила Журку в ванну. Та вбежала и села у эмалированного тазика, подняв лапку.

Анна Николаевна налила воды, пополоскав лапку, вытерла ее. Журка тут же подняла другую. Анна Николаевна не выдержала: предательские слезы навернулись на глаза.

Закончив, Анна Николаевна выпустила Журку, слила воду, ополоснула таз, а слезы все текли и текли.

Умыв лицо холодной водой, она прошла на кухню и, стараясь не греметь посудой, налила Журке супу: «Поешь, маленькая, поешь. Последний раз кормлю тебя, моя хорошая, кто покормит еще, не знаю». Слезы опять покатались по щекам. А Журка лакала суп, удивляясь столь раннему завтраку и ни о чем не догадываясь.

Съев весь суп, Журка вылизала миску и посмотрела на хозяйку. Та вытерла слезы, встала, одела ошейник, пристегнула поводок и ласково погладила Журку: «Ну, пойдем, милая», — и собака то ли поняла, то ли увидела слезы на глазах у Анны Николаевны, забеспокоилась: почему плачет баба Аня? Что случилось? Где враг, который обидел хозяйку? Но чужих не было, а все домашние спали.

Анна Николаевна вышла с Журкой из подъезда и пошла к автобусной остановке.

* * *

Птичий рынок встретил Журку и Анну Николаевну своим обычным шумом, толкотней, лаем, мяуканьем, птичьим свистом. Журка жалась к ногам Анны Николаевны, не понимая, зачем в это субботнее раннее утро хозяйка привезла ее сюда. Анна Николаевна не знала, куда ей пристроиться, где встать. Наконец она нашла свободное место у стены. Справа от нее стоял мужчина с опухшим красным лицом. Анна Николаевна видела, как у него дрожали руки, когда он пытался прикурить. Из-за грязного обшарпанного пальто выглядывала серая, милая мордочка котенка. «Берите, недорого отдаю, пять рублей», — пропитым голосом кричал он, хватая руками проходящих мимо людей.

Но никто не обращал внимания ни на него, ни на его котенка.

Анна Николаевна стояла у стены и ожидала, когда подойдут к ней. Никто не подходил, все проходили мимо. Журка жалась к ногам бабы Ани и ничего не понимала. Прошел час, потом еще. Анна Николаевна устала стоять. Журка присела и, поджав лапку, смотрела на здоровую черную морду своего собрата, которого тоже зачем-то привели сюда.

К Анне Николаевне подошла полная женщина с ярко накрашенными губами. «Сколько за собачку просите?» — спросила она и хотела потрепать Журку за ухо. Но Журка вскочила и, обнажив клыки, свирепо посмотрела на нее. «Фу, какая», — сказала та и отошла.

Анна Николаевна погладила Журку, пытаясь успокоить ее: «Ну, ну, маленькая, не надо, успокойся».

У соседа котенка купили за два рубля мальчик с девочкой, очень похожие друг на друга. Радостно прижав котенка к груди, они убежали.

Наконец к Анне Николаевне подошли двое. Мужчина лет пятидесяти с большой сумкой и женщина лет тридцати. «Феденька, посмотри какой чудный песик, я хочу такого», — произнесла капризно женщина. Они остановились.

Мужчина посмотрел на Журку и спросил: «Э-э, сколько просите за собаку?» Анна Николаевна смутилась, ей почему-то стало не по себе. «Так вы продаете собаку или нет?» — нетерпеливо спросил мужчина. «Шестьдесят рублей», — нерешительно произнесла Анна Николаевна. «Шестьдесят? — переспросил мужчина. — Простите, а какой она породы и паспорт у нее есть?»

Анна Николаевна растерялась, она не знала, какой породы Журка, и паспорта у нее не было. Журку она подобрала на улице еще щенком, и какой собака породы — она даже не задумывалась. Не зная, что ответить, она сказала, что Журка очень умная и веселая собака.

Мужчина посмотрел еще раз на Журку и произнес: «Так, значит паспорта нет? Тридцать рублей я вам дам за нее».

Анна Николаевна сжала поводок: «Простите, но за тридцать я вам не отдам Журку». «Ну, Федя», — произнесла обиженно женщина. «Хорошо, пятьдесят рублей», — продолжал торговаться мужчина. Анна Николаевна согласно кивнула и опустила на корточки. Ласково погладила Журку, потрепала за ухо. Журка лизнула руку хозяйки. Анна Николаевна почувствовала, что опять заплачет. Встала и протянула поводок женщине: «Возьмите и, пожалуйста, не обижайте ее, она хорошая и все понимает».

Мужчина поправил очки, достал бумажник, подав две двадцатипятирублевые бумажки, сказал: «У хороших собак есть паспорта, возьмите деньги».

Журка не понимала, что хотят эти люди и почему баба Аня отдала поводок этой женщине. Ведь раньше она никогда этого не делала. И когда Анна Николаевна нагнулась, погладила Журку и поцеловала ее, а затем встала, повернулась и пошла, Журка все поняла. Она рванулась к бабе Ане, но ее крепко держали. Журка поняла: ее предали, ее отдали чужим людям. Она еще и еще раз дернулась, завизжала, залаяла.

Женщина хотела успокоить Журку, взять ее на руки, но Журка, оскалив зубы, клацнула ими, чуть не укусив женщину.

Прохожие остановились, стала собираться толпа зевак. Женщина испугалась зубов Журки и выпустила поводок. Та, почувствовав свободу, стала догонять бабу Аню. Сердце Журки жгла острая обида, она лаяла, путалась в поводке, бежала.

Анна Николаевна, услышав лай, обернулась, Журка догоняла ее. Она обрадовалась, протянула Журке руку, но Журка, ее любимая, всегда ласковая Журка, которая ни разу в жизни не обидела ни одного человека, вцепилась всеми своими собачьими зубами в руку, в ту самую руку, которую она столько раз благодарно лизала, которая ее, Журку, столько ласкала. Затем бросилась бежать вниз по улице, шарахаясь и огрызаясь на тех, кто пытался поймать ее. Она бежала от людей.

*1979 г.
Москва*

КАПИТАН

Посвящается капитан-лейтенанту Григорию Байдеку

1

Оглушив мрачную глубину скрежетом металла, замутив ее поднявшимся нетронутым веками придонным илом, подводная лодка, покачнувшись, замерла, слегка завалившись на правый борт. Еще несколько мгновений назад, она поражала и пугала обитателей глубин своей мощью, неукротимой силой и властью над стихией океана. Теперь же она беспомощная и какая-то растерянная, стыдливо уткнувшись в камни, молчала. Внутри ее наоборот, развивалась драматичная борьба между маленьким человеком и огромной машиной. Все решали секунды.

* * *

Струбцина легко встала на место. Теперь надо завести бандаж.

— Только спокойно, не спеши.

— Так.

— Надо успокоить дыхание, может клапан дыхательного аппарата попадет в ритм?

— Попробуй еще раз. Ведь ты это делал десятки раз на тренировках, матросов учил.

— Ну, давай.

Подперев плечом, Григорий захватил двумя руками бандаж, приподнялся и стал заводить его между пяткой струбцины и трубопроводом. Слегка ослабив плечо, пытаясь использовать ее тяжесть, он стал прижимать бандаж к рваной трубе.

— На этот раз вроде получилось.

Горячий смертоносный пар, выбиваясь из-под бандажа, яростно шипел.

— Никуда теперь не денешься, сейчас я тебя укрощу.

— Скорей затянуть струбцину.

— Как тяжело идет.

— Одному трудно, на учебе нас было много. Но здесь не учеба, здесь смертью пахнет.

Григорий остановился. — Опять западает клапан, только бы не сорвать дыхание.

Прорезиненный комбинезон накалился до предела. Горячая маска жгла лицо.

— Слишком долго я здесь находился. Роба мешает, набухшая от пота, прилипла к телу, сковывает движения.

Откуда во мне столько влаги?

Весу-то всего шестьдесят три килограмма.

Григорий опять взялся за ручку. На этот раз струбцина вращалась легче.

— Сейчас затяну, потом открою вентиль регенерации воздуха. Надо промыть все здесь. Потом можно отдраить кремальеры.

— С лодки конечно спишут.

Пар тонко визжал, все еще вырываясь из-под прокладки бандажа. Крутить струбцину все тяжелей.

— Жаль, рычага нет. Только бы до конца затянуть. Тогда все будет хорошо, спасемся.

Григорий откинулся на переборку. В глазах ожесточенно прыгали разноцветные «зайчики».

— Только держись. Не теряй сознание.

Гриша с усилием тянул кислород. Сделал глоток, еще глоток.

— Все, кислород кончается, не успею, не смогу.

Рука нащупала ручку струбцины. Пальцы сжались. Из последних сил Григорий, навалившись, повернул ее до упора.

Он пришел в себя от тишины и холода. Пара не было. Промокшая роба и защитный комбинезон остыли. Григорий встал, открыл кран, обильно обмыл палубу и переборки водой, дотянулся до вентиля регенерации, повернул. Вытяжка

равномерно загудела. И тут, обожгла мысль. — Почему я дышу? Кислород должен был кончиться еще десять минут назад?

Рука потянулась к прибору. Кислородный шланг был разорван. Гриша снял маску, она теперь все равно не нужна.

— Теперь медленная смерть. Теперь все.

Григорий поднялся. Подойдя к переборке, он повернул кремальеры.

Ребята подхватили его под руки, вывели из отсека. Сорвали защитный костюм, робу, сняли все остальное, стали поливать голое тело теплой водой.

Григорий очнулся, страшно болела голова, в ушах шумело. Увидел корабельного врача, тот стоял над ним со шприцем в руках. Ободряюще улыбнулся ему. Рядом сидел командир лодки.

— Василий Иванович! Товарищ капитан!

Гриша попытался встать. Тот придержал его рукой.

— Лежи, Гриша, лежи, дорогой. Спасибо тебе за людей, за лодку.

— Что вы, товарищ капитан! Это же мое было дело.

— Не по уставу отвечаешь, Гриша. Почему один? Почему не доложил?

— Не успел я, еще секунда и пар заполнил бы лодку. А один? Один, потому что для радиации все равно, один или десять, или всех. Лучше одному. Скажите, как там? Все в порядке?

— Там теперь порядок, Гриша. Взрыва избежали.

— Ты через сутки будешь на базе, а там, столица, госпиталь. Может помогут, у нас врачи хорошие.

— Не надо, Василий Иванович, я все понимаю.

Гриша почувствовал усталость, легкое головокружение. Тошнило.

2

— Беляев, подожди.

К нему подбежала Машенька из отдела.

— Беляев, у Никиты завтра день рождения. С вас один рубль на подарок.

— Хорошо, Маша, я занесу.

— Ну, как знаете.

Машенька повернулась и ушла.

Вот уже две недели Беляева не было в институте, а здесь все также, ничего не изменилось. Так же в курилке полно народу. Молодые девочки жадно затягивались дымом, ребята бурно обсуждали вчерашний футбольный матч. По длинному коридору то и дело сновали озабоченные посетители, опасливо сторонясь женщин с чайными чашками, которые то и дело высказывали их мыть.

За две недели, проведенные в больнице, Беляев очень соскучился по своей работе. Последний проект шаровой задвижки высокого давления давался трудно. Расчетов очень много, но сделать их могли только трое из отдела. Он и еще Гуляев с Сереей. Остальные были балластом. Это понимали все, но молчали. Так удобно всем.

Беляев вошел в отдел, поздоровался. И здесь все как было. Сергей оторвался от кульмана, помахал рукой. Гуляев обрадовано пожал руку.

— Ну, как здоровье? — Все в порядке. — Ну, вот и хорошо.

В отделе все привыкли к частым болезням Беляева. Поэтому с ним много об этом не говорили и в больнице навещали редко. Чем он болеет, толком никто не знал.

— А у нас новости.

Гуляев сосредоточенно что-то искал в столе, листал тетради, убирал глаза, пряча их от взгляда Григория. Беляев все понял.

— Подписали к производству?

— Да. Шеф распорядился. Понимаешь, Гриша, план, честь отдела. Мы не могли долго ждать. Тебя на этот раз так долго не было. Да ты не расстраивайся, задвижка должна быть хорошая.

Сереега виновато улыбнулся, успокаивая Беляева.

— Что ты меня успокаиваешь? Я не Машенька, ты ей объясняй. Задвижка должна быть рассчитана на давление в сто двадцать атмосфер и не меньше.

— Гриша, я не знаю. Василий Иванович приказал, с ним и разбирайся.

— Гуляев, ты же умница, я так надеялся на тебя.

— Ну, Гриша, ну очень прошу. Уволь меня от этих разговоров.

Беляев почувствовал легкое головокружение. Покачнувшись, он схватился за стол.

— Гриша, ты что?

Гуляев подставил стул, усадил его.

— Девочки, быстро воды.

Людмила Ивановна схватила чашку и вышла из комнаты. Люда с Ирочкой вышли за ней.

— Теперь начнется, по три раза в день в обморок падать. Надоел он.

— Что ты Ирочка, ведь он еще совсем молодой, ему и сорока нет.

— Я в отделе кадров узнала, он морским офицером был. Капитаном или лейтенантом.

— Он, и капитан? Умора.

На встречу спешила Людмила Ивановна с чашкой воды.

Беляев медленно открыл глаза.

— Опять, да, Сережа?

— Ничего, я сейчас встану. Уже проходит.

— Сиди, сиди.

Гуляев смочил платок и положил на лоб Гриши.

Вошла врач института с медицинским чемоданчиком.

— Ну что вы, в самом деле, я уже в порядке. Вы же, знаете, бывает.

Гриша поднялся.

— Спасибо. Извините. — И вышел из отдела.

«Сам» принял его сразу. Встал из-за стола, протянул руку.

— Как здоровье?

— Василий Иванович, почему задвижку отдали? Она же еще не готова.

— Вы, Беляев, не волнуйтесь только. Вам вредно волноваться. Понимаете, конец года скоро. Разработка очень нужна.

— Кому она нужна, недоделанная, недоработанная? — Гриша почувствовал, как сдавило в груди.

— Премия нужна вам и тем бездельникам в курилке. Только это было причиной...

— Я не позволю, — лицо Василия Ивановича побагровело, — прежде научитесь вести себя. Вы не на палубе.

Властным, за долгие годы выработанным движением руки, неуловимо изменившимся лицом, всем своим видом, он дал понять, что разговор окончен.

Состояние ухудшалось. В груди сдавило сильнее, появившиеся тошнота, головокружение мешали думать. В таком состоянии являться домой не хотелось.

— Опять Нина плакать будет, — подумал он. Беляев свернул с тротуара и пошел домой лесом. Тропинка вела к дому через овраг. Было сыро и тихо.

Гриша остановился, прислушался к легкому шелесту листьев.

— Хорошо все-таки в лесу, — он погладил ласковый, с проплешинами, бок березы, — надо бы с сыном погулять. Живем рядом с лесом, а в лесу не бываем.

Переложив портфель в правую руку, стал спускаться в пахнущий прелыми листьями и сыростью овраг. Навстречу шли два солдата. По глазам резанула разнузданность в одежде. Гимнастерки расстегнуты, ремни висят, сапоги в грязи.

— Товарищи солдаты! — Гриша внутренне подтянулся, — С вами говорит офицер, капитан-лейтенант в отставке.

— Приказываю вам привести себя в порядок.

Хорошо поставленный командный голос Беляева, ошарашил воинов, те стали машинально застегивать гимнастерки.

— Как вам не стыдно. Глядя на вас, судят об армии, а вы своим видом позорите ее.

— Но ты, папаша, — тот, что повыше, овладев собой, надвинулся на Григория, — Кто ты такой, чтобы командовать нами?

Второй, засмутившись своего испуга, тоже подошел. Развязно сплюнул, снял ремень и залихватски туго накрутил его на руку.

— А это ты пробовал? — и махнул бляхой перед самым лицом Беляева.

Гриша машинально прикрылся рукой. Высокий, резким ударом ноги в живот, свалил Беляева на землю.

Сколько времени его били, Гриша не помнил, только в голове издали отдавались тупые удары кирзовых сапог.

* * *

Нина плакала, снимая с него грязный плащ.

— Гриша, миленький, кто же тебя? Я милицию вызову. Разве можно так человека. Сволочи.

Распухшими, разбитыми в кровь губами он тихо проговорил: «Не надо Нина, не звони». Испуганный сын с

любопытством выглядывал из другой комнаты.

Григорий, придерживаемый женой, лег на диван. Сильно болела голова, в ушах шумело, к горлу опять подступила тошнота.

На работу Беляев не вышел. Через неделю его не стало. На похоронах народу было мало. С работы пришли только Гуляев с Серегой. Родственников у Гриши не было, знакомых в этом городе у него было мало. Другими после демобилизации он обзавестись не успел.

Еще через неделю позвонили из парткома института, попросили принести партбилет.

Через полгода позвонили друзья по морскому училищу, обрадовались ответившей им Нине, стали приглашать на юбилей выпуска. Узнав о смерти Гриши, растерялись, извинились и положили трубку.

И все.

1984 г.

ТИМОХА

Сегодня погода с утра была хорошая. Ярко светило холодное северное солнце. Снег красиво искрился и слепил глаза.

Девственная белизна тундры, голубое бездонное небо радовали глаз и успокаивали душу. Но Тимоха все равно был зол.

Начальник гнал его в рейс, а ему очень не хотелось. Сердце подсказывало ему не ехать. Душу его что-то тревожило. Он очень боялся этого чувства внутренней тревоги. Оно не давало ему покоя, откуда-то из глубины лезло наружу. Он старался не думать о нем, но оно все равно беспокоило. С ним и раньше было такое, но он не придавал этому значения и каждый раз хлебал горя от души. То пурга в дороге застанет, то печка сломается, то машина слетит с зимника — короче, надо бы не ехать, но как? Этот болван разве что понимает. Упрется: ехать и все! Правда, «лапоты», надежная машина и никогда его не подводила. Замерзнуть Тимоша не боялся. Пока есть соляра в баках, жить можно. Да и пара паяльных ламп, заправленных бензином, у него всегда в запасе имеется.

Тимоша свою машину любил. Ему даже нравилось в ней жить, и за комендантами поселков он не бегал, как другие, выпрашивая койку в общежитии. В кабине расстилал старый матрас, на двигатель бросал пару банок тушенки. Минут через десять банки разогревались. Поев тушенки с мороженым хлебом и скинув унты, Тимоша, растянувшись на матрасе, мечтал. Такие минуты он очень любил.

Перед глазами вставала его деревня, где он провел свое детство. Ласковый шум берез, щебетанье птиц, теплое летнее солнце, он сильными руками обтесывает бревна для новой избы. Сейчас-то он может и бензопилу купить. Такая у них в деревне была у Егорыча. Чтобы напилить дров или какое еще дело, все шли с поклоном к Егорычу. Тот сразу никогда не соглашался, сначала покочевряжится, покуражится, выжидая, покуда проситель не достанет чекушку. Только выкинув ее пустую, давал свое согласие. Егорыча с виду уважали, хотя за глаза, конечно, проклинали...

Он, Тимоха, куражиться не будет, он не такой. А то и трактор соберет, маленький, он такой в журнале видел. Благо запчастей выкинутых на колхозном дворе навалом. Тимоха теперь умелый, все может сделать сам. А что? Руки есть, голова тоже. Навидался и натерпелся всякого. Север, он многому научил. После службы в армии восемь годов по зимникам мотается. Самые сложные задания ему поручают. Тимоша никогда не подводил, он надежный. Так все о нем говорят. Вот и сейчас к нему начальник пристал, надо ехать тебе, Тимоха, и все тут. Никто не доедет с таким грузом. Там мужики ждут. Цемент нужен, трубы. Всю рацию оборали, требуя своего. Только ехать нельзя, нутро подсказывает. Как только этому начальнику объяснить, молодому балбесу? Вот и сейчас опять к его «лаптю» идет, тяжело шагает в стоптанных унтах по рыхлому, намятому колесами «КрАЗов», снегу. Начальству тоже, наверное, достается: и люди, и поселок, и столовка, а также продукты, стройматериалы — все на нем.

Начальник тяжело встал на подножку. Впустив холоду, влез в кабину. Он был молод, еще и тридцати нет. Чисто выбрит, хотя и давненько не стригся. Обветренное темное лицо все-таки выдавало его городское происхождение. «Тоже ведь деньги нужны, оттого и бросил город, а может, и о должности мечтает», — подумал Тимофей.

— Ну что, Тимоха, когда поедешь? — Начальник достал сигарету, предложил шоферу. Тот отказался.

— Начальник! Может, выпишешь спирту? — прозвучала просьба на вопрос.

Тимоша знал, что ему не откажут. Начальник нахмурился, затянулся дымом, выпустил его, ругнулся незлобно, но все же спросил:

— Сколько тебе, бутылки хватит?

— Ну че там бутылку, а если дня на три засяду... А отморожу что-нибудь — растереться надо. Две, начальник.

— Две не смогу. Одну выпишу и записку дам продавщице, ей вертолетом одеколон привезли «Тройной». Два флакона даст. Тебе хватит.

— Согласен, начальник. «Тройной» пойдет, тот же спирт.

Тимоха даже обрадовался. Спирт он хоть и питьевой (так на бутылке написано), а противный, наверное, из нефти гонят. «Тройной» лучше. Пахнет хорошо и голова не болит.

Начальник достал блокнот, что-то написал. И недовольно высказал:

— Это кладовщице, пусть выдаст. А эту продавцу в магазин. Больше не выпрашивай, все равно не даст. Я пересчитал. Возьмешь тушенки себе и молока по пол-ящика. Все, через час чтобы я тебя здесь не видел. Там всю рацию обкричали. Цемент нужен...

Он открыл дверь и вылез из машины.

Тимоха, напялив шапку, выскочил. Заперев дверь «КрАЗа», бойко побежал к складу.

Первую часть пути Тимоха преодолел лихо. Зимник был хорошо накатан. «Лапоть», точно корабль на волнах, то проваливался в лощину, то всплывал на гребень горки, рыча двигателем, вызывая приятную истому водителя. До второго пункта обогрева оставалось час езды. Там постоянно дежурили дизелист с радистом. Можно бы остановиться, чайку попить. Но Тимоха решил не останавливаться, проскочить мимо, так же, как и первый пункт, протяжно просигналив в знак приветствия. Он намеревался, если все пойдет так же хорошо, утром быть на месте. Машину опять перегрузили. Тимоха ругался на грузчиков, но те знали свое дело, на него внимания не обращали. Были уверены: Тимоха — доведет.

Его беспокоило только одно: впереди надо было проехать озеро. Хотя зимник прокладывали вокруг него, но водители накатали путь по нему, сокращая дорогу. Таких выпрямлений на трассе несколько, но самым опасным было именно это: теплые ключи не давали сковать морозу как следует лед. Иногда он потрескивал под колесами тяжелых машин, вызывая неприятный холодок под сердцем. Но пока все шло удачно.

Тимоха сейчас гадал: как ему быть. Ехать вокруг? Так дорогу перемело, наверное. А через озеро боязно, перегруз большой. «КрАЗ», вздымая снежную пыль, ходко бежал по тундре, пугая вокруг невидимую для пришлого человека живность. Вдалеке, среди снежной пустыни, появилась еле видимая серебристая вышка радиоантенны с красными фонарями, отпугивающими вертолеты. Тимоха обрадовался: глазу есть за что зацепиться!

Вторую точку Тимоха пролетел лихо, оглашая всю округу яростным криком воздушных клапанов своего «лаптя».

Заспанный дизелист испуганно выскочил из вагончика. Увидев Тимохину машину, покрутил пальцем у виска. Зябко передернув плечами, юркнул обратно.

* * *

Подъехав к озеру, Тимоха остановил машину. Надев шапку и рукавицы, он вылез из кабины...

Как он думал, так и оказалось, дорога вокруг озера была перемерена. Соваться туда одному было бессмысленно, все равно засядешь, и выдернуть будет некому. Тимоха поковырял ногой снег, покрутился, раздумывая, как ему быть. Вернулся к машине. Достал старый замасленный солдатский бушлат, расстелил его на снегу, бросил на него две банки тушенки и банку молока. Достал флакон одеколona, побултыхал у уха, отвинтил пластмассовую пробку, понюхал. Завинтив ее обратно, аккуратно положил в карман бушлата. Достав паяльную лампу и спички, так же уложил на бушлат. Залез на подножку, дотянулся до мешка на крыше и отвязал его. Достав буханку мороженого хлеба, завернул его в старую газету и положил на бушлат. Завернув все это, связал проволокой, оттащил в кусты, присыпав снегом. Подумав, достал из-под сиденья старые валенки, вложил в них топорик и закопал рядом с бушлатом.

Сев за руль, он снял свою меховую куртку и унты. По кабине завоняло давно не стиранными носками. Достал из бардачка бутылку спирта, налил четверть стакана и дохнул в сторону, выпил, зажмурив глаза. Обожженное горло сжалось в спазме. Переждав несколько секунд, он с силой втянул в себя воздух. Закурил.

Выжав педаль сцепления, он включил первую передачу и потом передний мост. Дав газу, медленно отпустил педаль. Машина тронулась. Выехав на лед озера, Тимоха открыл дверь. Мощный «КрАЗ», громко урча, медленно, словно ощупывая, двигался по льду. Тимоха не замечал холода, не слышал натужного рева двигателя, он слушал лед. Тот напряженно молчал.

Тимоха, не сбавляя газа, привстал с сиденья, вылез одной ногой на подножку. До берега оставалось метров сорок. Лед весело потрескивал, только у Тимохи от такой веселости пот по спине ручьем тек.

Берег медленно приближался.

— Ну, суки! Доеду — морды всем набью. — В приступе ярости Тимоха сплюнул и громко выругался. Боясь простудиться, он сел на место, но дверь не закрыл, слегка притянул ее к себе. Стал разглядывать берег, где бы половчее выехать. Достал сигарету. Не выпуская руля из рук, попытался закурить, потянувшись к зажженной спичке зажатой в зубах сигаретой. Треска ломающегося льда Тимоха не услышал, только больно ударился лицом о руль: так сильно клюнула в польню машина.

В кабину хлынула вода. Тимоха инстинктивно поджал ноги, попытался открыть дверь, но ее прижало снаружи льдом.

Он, ничего еще не соображая, уперся в нее ногами. Дверь подалась. В кабину сильнее хлынула вода. Тимоха что

было сил оттолкнулся и, закрыв глаза, выпрыгнул из кабины. Позвоночник словно проткнули раскаленным ломом, из глаз брызнули фиолетовые искры.

Страшная боль сковала все тело, забравшись куда-то глубоко в мозг, сверлила насквозь черепную коробку. Тимоха и раньше знал боль разную, и ожоги, и переломы были, но о такой боли представления не имел.

Тимоха, судорожно уцепившись за край льда, попытался вылезти. Подтянулся наполовину из воды, но тут руки, раздираясь в кровь об острые льдинки, сорвались, и он рухнул в воду, окунувшись с головой. Мотнув что было силы ногами, дернувшись всем телом, он всплыл, схватился опять за край льда, и понял, что выбраться не сможет.

Тимохе стало жутко, страх парализовал его с еще большей, чем ледяная вода, силой. Он хотел закричать, но не смог разжать зубы, так их свело.

Тимоха заплакал: ему стало жалко себя. Пожить хоть чуть-чуть, хоть еще денек.

Перед глазами встала его деревня. Убегающая вниз к речке тропинка. Гуси на улице, которых он очень боялся в детстве. Соседская девчонка, которую он мечтал взять в жены.

Тимоху вдруг подняло волной и выкинуло из полыньи, больно ударив его головой об лед: это провалились задние колеса «КрАЗа». Поднявшаяся волна, ломая лед, помогла выбраться ему. Не понимая счастья своего спасения, он быстро стал отползать от опасного края. Встав на непослушные ноги, он оглянулся. Над водой торчали небольшой горкой намокшие мешки. Перебирая ногами, он медленно пошел, спотыкаясь о ледяные кочки. Мокрые носки прилипали к мерзлому льду, не давая идти. Он упал на четвереньки и пополз к спасительному бушлату.

Каждое движение давалось с трудом. Казалось, что никогда он не доберется. Вот сейчас упадет, и тогда все. Смерть все сильнее сковывала его своими ледяными объятиями. Силы покидали его. Ему хотелось лечь и не вставать. Умереть ему сейчас казалось легче, чем ползти. Но он полз.

Добравшись до бушлата, Тимоха чуточку передохнул. Он стал откручивать проволоку, но негнущиеся пальцы не слушались. Вцепившись в нее зубами, потянул. Достал лампу, стал качать насос. Спички не зажигались. Наконец одна загорелась и тут же погасла. Тимоха всхлипнул. Следующая — загорелась.

Пустив бензина, он зажег его. Слабый огонек копоты взвился над лампой.

Тимоха протянул к нему скрюченные от холода пальцы. Отогреваясь, они больно занули. Поддав бензину, шофер стал сдирать замерзшие носки. Подержав над огнем валенки, он одел их на ноги. В тепле сильно заломило пальцы ног. Лампа, разогревшись, стала гудеть голубым пламенем. Тимоха достал флакон «Тройного», открутив зубами пробку, опрокинул бутылочку в рот. Отпив половину, он полил на руки и стал растирать их. Теперь он почувствовал нутром холод. Тело дрожало, зубы мелко отстукивали дробь. Одев бушлат, он склонился над лампой, пытаясь собрать тепло под одежду. Мысли тихонько стали приходить к нему. Разум оживал. Все еще не веря, что он жив, Тимоха стал собираться.

Рассовав по карманам банки, сунув топорище за голенище, он подвязался проволокой. Ругая себя, что не оставил еще что-нибудь из одежды, он взял лампу и пошел к дороге. Оглянулся еще раз на озеро с черной полыньей.

Затушив лампу, взял ее под мышку. Сунув кисти рук в рукава, он мелкими шагами побежал в обратную сторону. Хотя холода он теперь не чувствовал, бежать было трудно. Холодный воздух раздирал обожженную спиртом глотку. Легкие, словно меха, работали тяжело. Но Тимоха все равно задышался. Остановившись, он допил одеколон. Выбросив пустой флакон, побежал дальше.

Бегом это назвать было трудно, даже мелкое преставление ног в вязком снегу было для него мучением.

* * *

Тимоху нашли на третий день. Преодолев около двадцати километров, он заснул метров за триста до пункта обогрева.

Родственники прислали телеграмму: «Приехать не можем, хороните на месте».

Начальника с работы сняли. В приказе говорилось: «...За срыв плана бурения...»

ДУЭЛЬ

Это случилось со мной года два назад. Мы находились очень далеко от мест, где нормально живут нормальные люди. Мы находились в таких местах, где не только людей, но и зверей не встретишь... Только куропатки иногда ошарашенно выскакивали из-под гусениц нашего вездехода.

Я иногда подстреливал парочку на бульон, но это не всегда удавалось сделать стареньким дробовичком.

Мы все порядком захмелели, воздух был пропитан запахами дрожжей и табачного дыма. Ошалевшие от бражной сивухи, полярной ночи и паршивых сигарет, мы спорили о разной ерунде. И этот вечный спор завел, как всегда, наш Игорь Незабвенный.

Дверь отворилась, и в бытовку вместе с клубами морозного пара ввалились двое водителей бензовозов. Закинув шапки и рукавицы в угол, устало сели. Я и остальные почувствовали глухое раздражение: рабочий день давно кончился, а тут предстояло опять одеваться в грязную робу и идти скачивать топливо. Не так уж и трудно, но канительно. Мужики, правда, золотые. Простые. Трудяги. Они на своих «КамАЗах» 270 километров по бездорожью, заснеженному Ямалу, с одного конца полуострова на другой тащат нам горячее.

Подумать страшно, что они за сутки пути в одну только сторону перенесут.

Пока они глотают горячий суп из тушенки, пьют чай, мы сливаем солярку для электростанции. Поев, они выпили по паре кружек браги. Глаза заблестели у обоих нездоровым блеском, усталости как не бывало, но нервное утомление заметно усилилось. Нужна была разрядка. Это я по опыту знаю.

Игорь Незабвенный опять затеял разговор о столыпинской реформе, пользе от нее мужику, переселившемуся в Сибирь. Где он только этого нахватался? Мы Незабвенного давно знаем, хотя он и не был нашим, а из геологов. И прощали ему все, если точнее — не обращали внимания на его выходки. Так вот, Игорь в пылу своего монолога похлопал одного из водителей по щеке, слегка, наверное, для убедительности. Тот его руку убрал. Но Игорь не унимался. Он продолжал уверять, что Столыпин мужику корову дал, лошадей, землей наделил и деньгами. Так кому плохо было от этой реформы?

Незабвенный всегда об этом говорил с особым удовольствием, видя, что ставит в замешательство слушающего, как правило, что-то знавшего про Столыпина только из школьного учебника. Игорь, чувствуя свое превосходство, распыхлялся еще больше.

— Я тебя спрашиваю, чем плох был Столыпин для мужика? Не знаешь? Так я тебе скажу. — И пьяной рукой потянулся к лицу второго водителя и взял его за подбородок. Никто и охнуть не успел, как тот выплеснул свой чай в лицо Незабвенному.

В балке стало тихо. Игорь замер было, долго не открывал глаза, потом медленно отер ладонью лицо. Все молчали. Незабвенный встал, перешагнул через скамью, в дверях, задумавшись, остановился, обернулся. Тяжелый взгляд его скользнул по всем сидящим, остановился на обидевшем его водителе. Толкнув дверь ногой, вышел.

Некоторое время все молчали. Потом разом все зашумели, как будто ничего не было. Только водитель сидел по-прежнему не шевелясь.

Опять раскрылась дверь. На пороге стоял Незабвенный. Холодный воздух в момент заполнил балок туманом, вытеснив все тепло. Игорь медленно подошел к обидчику. Он нес два ружья.

— Выбирай, — сказал он и положил ружья на стол перед водителем, выставил два патрона. — Стреляться будем.

Водитель побледнел, медленно встал:

— Ты что, парень, здесь совсем с катушек поехал? Да я тебе морду набью лучше.

— Нет, ты лучше убей меня, если сможешь. Драться я с тобой не буду, ты здоровей, не по-честному будет. Стреляться будем. Ты меня как мужика обидел. Выбирай патрон и ружье.

Водитель растерянно оглянулся на ребят, те обалдело смотрели на Незабвенного, на ружья. Молчали. Водитель медленно потянулся к патрону. Все увидели его дрожащую руку.

— Расстояние сорок шагов, стрелять будем на счет «три». — Он повернулся ко мне: — Считать будешь ты.

Я молчал.

Все вывалили на улицу. Выйдя на освещенную прожекторами площадку, я отсчитал сорок шагов, отметив их воткнутыми в снег палками. Прodelал я это так, как будто у нас каждый день были дуэли.

Водитель, скинув полушубок, подошел к обозначенному барьеру. Стал заряжать ружье. Было видно, как у него тряслись руки. Нам было неловко на него смотреть.

Игорь стоял спокойно, в одной рубахе, без шапки, держа ружье в правой руке. Я стал считать.

— Один! — У меня перехватило дыхание. — Два!

Я закрыл глаза. Почувствовал, что больше ничего сказать не смогу. И вдруг грохнул выстрел, не очень громко, но нам он показался взрывом.

Ружье водителя дымилось. Игорь стоял.

Мы, еще ничего не понимающие, замерзшие, обалдело смотрели на них. Незабвенный поднял ружье.

— Считай, сволочь! — заорал он на меня.

Тут водитель, отбросив ружье, упал в грязный снег на колени и завопил:

— Родненький, я не хотел, прости, оно само стрельнуло... Не убивай. Я не хотел, прости меня.

Он, визгливо причитая, на четвереньках пополз к Игорю. Тот стоял не шелохнувшись. Потом резко откинул руку с ружьем в сторону и выстрелил в прожектор. Брызнули стекла.

Незабвенный отдал мне ружье:

— Не могу смотреть на эту мразь.

Игорь больше к нам не приходил. Водителя мы тоже больше не видели.

* * *

В одном северном аэропорту, маленьком, холодном и очень грязном, я встретил Незабвенного. Давно небритый, пьяный, в грязном полушубке, он не узнал меня. Я подошел к нему, окликнул. Он обернулся, долго смотрел на меня, молча постоял. Пошарил в карманах и что-то протянул мне.

На грязной ладони лежала обтрепанная, мятая пустая гильза. Та самая. Так ничего мне и не сказав, он отвернулся. Больше я его не видел.

1989 г.

Полуостров Ямал

ОТРЯД

*Посвящается бойцам ударного комсомольского
строительного отряда имени Ю.Гагарина*

В лицо неприятной тревогой дыхнуло стужей, слегка пригнувшись, я вышел из самолета, ступив на зыбкий трап.

Выпрямившись, я глянул на открывшийся передо мной новый мир. Вдали виднелось небольшое здание, а за ним огромная, сверкающая медицинской белизной ширь тундры.

За спиной остались теплый уют салона самолета, кресла, ковровые дорожки, сочувствующий, немного насмешливый взгляд стюардессы. Еще несколько минут назад мы такие гордые, недоступные чувствовали себя героями Севера. А тут вдруг заробели, куда только делась напускная бравада.

За мной молча сходил на мерзлую бетонку аэродрома комсомольский строительный отряд. Полсотни молодых ребят, мечтателей, видимо, довольно характерных: принять для себя решение оставить уют дома, близких, все прелести московской жизни и махнуть за несколько тысяч километров на север Сибири, это непростые ребята и среди них, совсем уже непростые, десяток девчонок. На сколько хватит их характера покажет только время.

Легкий ветерок быстро выдул из нас все тепло, а с ним и все иллюзии. Ноги в легких туфлях быстро стыли. Глаза заслезились, из носа потекло. Шмыгая носами, мы подобрали вещи и потопали, отворачиваясь от ветра, вслед за встретившими нас людьми.

Небольшое здание, которое я видел с трапа, оказалось аэропортом, холодным и неприветливым. Еще более удрученных, нас вывели на улицу, там встречало несколько больших машин оборудованных под автобусы.

Через несколько суматошных минут, погрузив чемоданы, рюкзаки и другие всевозможные нужные и ненужные вещи в грузовую машину, мы сидели с повеселевшими лицами в теплых салонах вахтовых машин, с удивлением разглядывая необычный для нас транспорт, гибрид высокопроходимой грузовой машины «Урал» и автобуса.

Отогревшись, девчата повеселели, с интересом стали прислушиваться к мягкому украинскому говору, встречавшей нас девушке, как оказалось, это была местный секретарь комитета комсомола Наташа Бойко. На заднем сиденье что-то живо говорил, отвечая на вопросы ребят, тоже встречавший нас, грузин, начальник комсомольского штаба стройки, звали его Тенгизом.

Везли нас долго. Мы утомленные, удивленные и немного ошарашенные от дороги и от всего увиденного, а более, от сказочных перемен произошедших с нами, находились в состоянии шока. Умом понимаем, душа восторгается, звенит, а нутро сопротивляется, находится еще в весеннем тепле, среди молодой поросли травы, набухших почек на деревьях, все это осталось в Тюмени, в полутора часах лету. В Москве совсем уже тепло, снега нет и в помине.

Вообще, мои первые впечатления были ужасными, ожидая увидеть красивую природу, тайгу, обрывистые берега рек, я увидел ровную, голую, заснеженную тундру, с торчащими редкими палками, вместо леса.

Унылый, однообразный вид за окном все больше разочаровывал и даже угнетал меня. Я чувствовал себе обманутым и обворованным. Я пытался хоть что-нибудь увидеть красивого, пытался убедить себя, что эта снежная пустыня очень красива, но понимал, что вру. От этого было еще тоскливей.

Глянув на лица ребят, я понял, что они думают о том же, и мысли у них далеки от веселых. Мне показалось, что они все вдруг решили поскорей отсюда смыться, только бы найти повод. Трое ребят продолжали живо болтать с симпатичной Наташей.

А дорога вела нас все дальше и дальше на север, к полярному кругу, он где-то совсем рядом. Далеко, в морозной дымке, появились первые буровые вышки. Не на экране телевизора, в моей московской квартире, а наяву. Потом еще, еще, закутанные морозным туманом, замерзшие.

И только тут почувствовал облегчение — я нашел ответ на мой внутренний вопрос, зачем я здесь. Для чего меня тащат трудяги «Уралы» по тяжелому зимнику. Как должно быть тяжело здесь людям. Тяжело не просто находиться, а работать, каждый день, смена за сменой. За рулем наших машин тоже люди, и им не сладко. И не ради удовольствия они упираются, чтобы покатают меня. Я понял, что я здесь нужен. Теперь меня уже терзал вопрос, буду ли я здесь

полезен. Будут ли полезны эти ребята, мои новые друзья. А они, увидев вышки в тундре, повеселели, встрепенулись.

Наташа с Тенгизом что-то стали объяснять, рассказывать, жестикулируя руками, указывая куда-то и с интересом наблюдая за оживившимися лицами.

Всех интересовал вопрос — далеко ли еще до места?

— Километров двадцать, двадцать пять, — отвечает Наташа и лукаво смотрит на нас.

— Так это близко уже.

— Да, примерно час, а может и быстрее, если переправу через речку отремонтировали. К вашему приезду спешили мостовики, готовились. Все ждали вашего приезда, везде марафет наводили, чтобы вам понравилось у нас, а то сбежите на второй день.

— Как это, сбежим, отсюда разве можно сбежать? — Зашумели разом.

— Мы не сбежим, мы не такие.

Тенгиз привстал, поднял руку, успокаивая ребят, — Уважаемые! — сказал он с неподражаемым грузинским акцентом и, когда все затихли, продолжил:

— Как бы вас здесь ни ждали, как бы ни готовились мы к вашей встрече, все равно здесь не Большая земля, здесь много чего нет, нет пива, нет газировки, нет горячей воды, нет мамы и даже нет бабушки, которая будет вам чай по утрам подавать. Еще много чего вы, дорогие мои, здесь не найдете. Но не спешите падать духом, не рвитесь назад, кто пробудет первый месяц, самый тяжелый, тот пробудет год. А кто пробудет год, тот еще долго не уедет. Клянусь мамой.

Тенгиз еще раз оглядел всех, вдруг посерьезневших.

— Ну, а кому будет тяжело здесь, с нами — поможем, отправим назад. Только сами не бегите. Не надо. Не позорьте.

Сел, медленно достал платок, вытер вспотевший лоб.

Отряд молчал.

Я встал, прошел по узкому проходу, подсел к Тенгизу.

— Не волнуйся ты, — обратился я к нему. — Мужики вроде неплохие, много строителей, к тому же почти все отслужили в армии, есть ребята из Афгана, там было не легче.

Понятно здесь не мед, и бардака, наверное, хватает. По телику нам показывают, все прямо супер. И техники навалом здесь, и снабжение четкое, и зарплаты огромные. Только вот природа, какая-то здесь однообразная, мы ждали красот, романтики, костров. А тут голо как-то? Я посмотрел на Тенгиза, — и вообще двадцать пять кэмэ и целый час?

— Дорога дальше очень плохая, речек много, так что терпите, вам теперь много чему учиться надо, а самое главное — учиться терпеть. Это очень трудно, поверь мне. Научитесь терпеть, быть вам северянами, — ответил он и посмотрел на часы, словно время, отпущенное нам, засек.

Наташа под села к нам. — Ну что, командир, задумался. Не переживай. Как у нас говорят, трудно первые сто лет, а потом привыкаешь.

— Ну что мы друг друга успокаиваем? — улыбнулся я.

— А ты расскажи нам о себе, где работал, о чем мечтаешь, есть ли семья. Зачем уехал сюда, наверное, деньги нужны?

— Да, командир, расскажи, мы о тебе ничего не знаем, кроме того, что ты наш командир, — поддержал комсорга долговязый парень, по-моему его Колей зовут. Я сам их практически никого не знаю, так, списочный состав, да в поезде немного познакомились.

Что я им должен рассказать о себе? О том, что женат, что двое детей малых дома осталось, две маленькие дочурки. Что у жены всего рублей сорок, до той поры, пока я заработаю и пришло. А когда это будет? Да и как отсюда выслать деньги можно? Непонятно. Что я им могу рассказать о своих мечтах? Что еду за романтикой, за туманом, а главное за деньгами. Мне, прежде всего, надо заработать для семьи, иначе я не смогу уважать себя.

— Что молчишь, командир? Стесняешься сказать, что женат. Может, мечтаешь о новой жене, северной? — захохотала одна из девчат.

Мужики весело подхватили. — А что, пойдешь замуж, будешь командирской, боевой женой.

— А мы тебя уважать будем, — добавил весело Николай.

— Будто вы не знаете, — проговорил я, — Женат я и две дочки у меня. Старшей пять, младшей полтора года.

— Как же ты их одних оставил? — удивилась другая, кажется, тоже Наташей звать. Она была маленькой, худенькой, даже странно ее было здесь видеть.

— Они с мамой, не одни, — произнес я, — Она справится, все равно меня они дома почти не видели. Днем — работа, вечером — учеба в институте. Ухожу на работу, еще спят. Прихожу поздно вечером, они уже спят.

— А теперь совсем уехал. Как же так? Что, совсем плохо стало? — пожалела меня светленькая, симпатичная, но тоже очень худенькая девчонка, ее Олей звали. Ее я запомнил, она мне еще в Москве помогала, канцелярию всю вела.

— Да как вам сказать, — обернулся я к ним, — Я здоровый мужик, работал электромонтером в Мосэнерго, потом

выбрали освобожденным секретарем комитета комсомола, четыре года воспитывал молодежь, за Советскую власть агитировал, а они доказательства требовали, и чтоб я на своем примере. Вы по-другому не можете, вам молодежи надо, чтоб с кровью, а так ни-ни, не поверите. Вот и поехал доказывать и им, и себе.

— Ладно тебе, командир, — заговорила моя «командирская жена» — знаем мы зарплаты ваши секретарские, на них семью с двумя детьми не прокормишь. Вот и едешь ты за них доказывать, а не за Советскую власть, содержать их надо, небось, до ручки семью довел, пока молодежью командовал. — Все дружно засмеялись.

Как она была права, не до ручки конечно, но что-то стало плоховато. Мебели почти нет, детям обувку, одежду надо, да и жена молодая, тоже приодеться хочется, и сам вроде на виду, а я в старом, свадебном костюмчике щеголял. Хорошо, что на предприятии две комнаты выделили в коммуналке, а так совсем была бы труба.

— Ну ладно, что на своего командира напали? — вступилась за меня Бойко.

— Командиры, они то же люди, и ничто человеческое им не чуждо. А деньги, они еще никому не мешали. Вы еще их заработайте, тогда поймете их северную длину. Еще о маленьком рублике на Большой земле затоскуете.

Тенгиз нажал на кнопку сигнала водителю. Машина дала вправо и остановилась. — Перекур, — скомандовал он, — Мальчики направо, девочки налево.

Мы дружно вывалились на воздух. В груди перехватило от студеного воздуха. Легкий ветерок мигом выдул из нас все тепло.

— А куда налево? — удивились девчонки.

— Здесь что налево, что направо, не спрятаться.

Тундру ярко освещало молодое, весеннее, но все равно холодное, солнце. Глазам стало больно от обилия света. Легкая поземка змейками струилась по серой разбитой дороге.

— Так, мужики, — громко скомандовала Наташа, — А ну перешли на другую сторону машины курить. Видите дамам надо в кусты, а их нет. Привыкайте к северному этикету, да и к экзотике тоже.

Мужики, засмутившись, поеживаясь от холода, застучали замерзшими туфлями за машину.

— Слушай, нам-то достать, отморозишь, а как же им, бабы же. Вот тебе и романтика начинается, — проворчал Валера, высокий, крепкий, краснощекий белорус, обращаясь к Николаю.

— Да. Начинается романтика, — ответил тот, глубоко затягиваясь сигаретным дымом, словно он мог его согреть.

Через минуту нас нагнала вторая машина с остальной частью отряда.

Громко шумнув выпущенным воздухом, скрипнув тормозами, она остановилась. Из нее выпрыгнули пацаны, а за ними упруго спрыгнул коренастый, крепко сбитый, с густыми черными усами, бывший морской десантник, а теперь комиссар отряда Володя Агеев.

— Ну, как вы там, как настроение ребят? — спросил я.

— Какое может быть настроение. Начинают понимать, куда их занесло, — ответил он.

— Тут, я смотрю, до ветра сходить проблема большая, — сказал он оглядываясь. — А где девчонки? — Уже сходили, отогреваются. Теперь наша очередь. Пойдем за вашу машину.

И я, неуклюже поскользываясь, затопал к колесу.

— Похоже, командир, не досчитаемся мы скоро своих бойцов. Каково еще на месте будет? — Володя резко, через стороны, поднял руки вверх и несколько раз присел, — Как у вас там, командир, настроение, какие первые впечатления? — И не дожидаясь ответа, резко толкнул меня плечом, — Не вешай нос, тебе в первую очередь нельзя раскисать, давай лучше разомнемся.

Я от резкого удара слетел с дороги и увяз в снегу сразу по пояс. Ребята весело засмеялись.

— Давай командир, вылазь. Со снежным крещением тебя.

— Я теперь познал вкус северных снегов, опытный, а вы салаги, огурцы зеленые, ну-ка марш на процедуру.

И, обхватив двух девчонок отряхивающих меня от снега, и слегка поддев двух стоящих рядом мужиков, я столкнул всех в сугроб. И тут началось — визги, хохот, фонтаны снега, добродушные матюки.

Через пару минут все, обваленные в снегу, с трудом выбрались на твердь дороги. Стали отряхиваться, выковыривать снег из обуви. Настроение заметно у всех поднялось.

— Ну что, комиссар, хулиганишь? Ответ за мной, а теперь по машинам! — скомандовал я.

Ребята торопливо, спотыкаясь и поскользываясь с непривычки, стали забираться в теплые салоны вахтовых машин.

* * *

— Ну что, комсомольцы-добровольцы, считайте что приехали, — сказала Наташа Бойко, когда машина стала сворачивать с трассы и, тяжело переваливаясь с боку на бок, въехала в речку и, круто накрываясь на левый бок, стала натужно выбираться на другой берег. Далее, с трудом и натугой, тяжелый автомобиль устало, но прочно встал на

накатанную в снегу дорогу. Далеко в дымке завиднелся редкий лесок, а за ним мачта радиовышки и крыши строений. Попетляв между домами, мы въехали на просторную площадь и остановились, как я понял, в центре поселка. Тенгиз с Наташей, попросив нас немного подождать в машине, вышли на мороз. Им навстречу торопливо подошли какие-то люди. Поприветствовав друг друга, они поговорили о чем-то, указывая руками, одетыми в меховые рукавицы, то на стоящие недалеко, видимо недавно отстроенные двухэтажные строения, то на длинное, сложенное из алюминиевых панелей, рядом стоящее здание.

Дав сигнал водителю, махнув ему рукой, они пошли пешком. Машины устало снова двинулись, скрипя по снегу своими огромными колесами. Через пару минут, дыхнув шумно тормозами, мы остановились между двух совсем новых строений.

Наташа раскрыв двери нашей вахтовки, утомленно улыбнулась и пригласила нас выходить.

Мы по одному стали выпрыгивать на утопанный снег. К нам со всех сторон стали подходить люди. Многие бородатые, в мохнатых шапках, с неестественно смуглыми лицами, и мы — бледнолицые, в курточках, в туфлях, почти все с непокрытыми головами.

Какое-то время мы постояли, с настроженным интересом разглядывая друг друга. Они старожилы и мы новички, как нам будет вместе?

* * *

Нас поселили в новое, еще пахнущее краской и свежим струганным деревом, двухэтажное общежитие. Собранные из обшитых с двух сторон фанерой панелей, дома этой конструкции называли БАМами. Нам было непонятно, при чем тут Уренгойское месторождение газа и строительство Байкало-Амурской магистрали. Как оказалось, такие дома были сконструированы для строителей БАМа. Детали этих домов изготавливались на Большой земле, в заводских условиях. На Север доставлялись речным путем на баржах. А уже на месте монтировались в течение нескольких недель. Это была замечательная идея. Но собирались они, видимо наспех, кое-как. Это мы почувствовали, как только вошли в него. Я с тоской разглядывал свое новое жилье. Большая комната, пять кроватей, узкий проход. На большое окно натянут целлофан, который, надувшись парусом, пытался не пропустить внутрь холодный воздух. Ветер, видимо, как раз дул с нашей стороны здания. Наспех закрепленные стекла, все в морозных изразцах, совершенно не защищали от уличной стужи. Несмотря на огненные батареи, было прохладно.

— Да, — подумал я, — И вот так целый год.

— Что же я наделал, не сиделось мне дома, жена умоляла не уезжать, друзья удерживали, нет, я самый умный, герой, рванул на край земли. Романтики, денег захотелось.

Ругнувшись про себя матом, я упал ниц на холодную кровать.

Хоть постель постелена новая, — подумал я, и это подействовало немного успокаивающе.

* * *

Прошла неделя. Нельзя сказать, что она пролетела незаметно. Каждый день, даже каждый час приносил нам что-то новое, неожиданное.

Мы прошли медкомиссию. К условиям Севера пригодны были все. Для того, что бы ее пройти, мы каждый день мотались в город и обратно, и в какой-то степени свыклись с дорогой, а некоторые, несмотря на ужасные ухабы и тряску, пытались спать в машине. Только полгода спустя, я узнал, что за Колю Разодева хирурга и терапевта прошел Валера. У Коли, как оказалось, было ранение в грудь. Он из Афгана, полгода в госпитале, в Подольске лежал. Потом сразу сюда, на Север. Еще не совсем все прошло.

Мы с комиссаром побаивались немного за наших девчонок, но они держались молодцом, особенно Маша Коблева. Крепко сбитая, симпатичная, она оказывала заметное влияние не только на наших красавиц, но и на ребят.

Мы успели присмотреться друг к другу. Стали завязываться дружеские отношения. Не зная их, можно было подумать, что они дружили всю жизнь. Мой опыт подсказывал мне, что гладко так долго не будет. В молодом коллективе, среди малознакомых людей конфликты неизбежны. Коллектив должен притереться, а при трении всегда выделяет тепло, потом дым, а там и до огня недалеко. Я пытался поговорить об этом с Агеевым, но он меня не понял и опасений моих не принял.

— Все в порядке, Серега, — сказал он, — Замечательные ребята у нас в отряде. Вот посмотрим только, что они стоят в работе.

— Посмотрим, — ответил я, — Только не нравится мне, что среди ребят, образовалась какая-то элита. Коля Разодев, Валера Никонович, Тахир с ними, Вася тоже там, да ведет себя посдержанней. Другие сторонятся их,

уединяются. Нехорошо это.

— Ладно тебе фантазировать, — прервал меня Володя, — Не уподобляйся чеховскому герою, «Как бы чего не вышло?» Давай лучше спать. Завтра трудный день. Оформляемся на работу, получаем спецовку и вперед. «Даешь стране газ».

Мы замолчали, но еще долго не могли уснуть, слишком много впечатлений сразу, мысли роились в голове. Воображение рисовало разные картины предстоящей работы, нашей дальнейшей жизни на Севере. И только когда наступала усталость, перед глазами вставали образы родных, вспоминались дети, жена. Я тихо засыпал.

Утро наступило как обычно, с шума проснувшегося общежития. В коридоре топот, шум, веселый смех. Позавтракав в столовой, отряд стал собираться в «красном уголке». Должны были подойти начальник строительства и начальник отдела кадров.

Нас давно интересовал вопрос, как мы будем работать — отрядом, или всех разбросают по бригадам, которые уже были на стройке. Большинство наших хотели быть отрядом, некоторые молчали. Те, кто не имел строительной специальности не знали как им быть и решили держаться отряда, как-никак свои, не чужие.

В «красный уголок» вошел молодой, но уже лысеющий мужчина, а за ним две женщины. Он оглядел собравшихся, прошел к столу, ребята разом стихли.

— Здравствуйте, — поздоровался, улыбнувшись нам, — Я начальник стройки, моя фамилия Матвеев, зовут меня Павел Михайлович.

С каждым бойцом отряда Матвеев беседовал отдельно и серьезно. Просматривал трудовые книжки, характеристики, спрашивал о пожеланиях. В основном все, за небольшим исключением, хотели быть с отрядом. Некоторые хотели уйти сразу в бригаду, рассчитывая на то, что в бригадах старожилы и зарплаты будут у них поболее, чем у бойцов неопытного отряда. По окончании собеседования наедине с начальником остались я и Володя Агеев.

— Что будем делать с отрядом? — обратился он к нам.

— Бригаду в 50 человек нам будет тяжело обеспечить фронтом работы, инструмента тоже нет. Лопаты, ломы мы еще сможем вам дать. Но с этим инструментом вы много не наработаете. Я думаю, надо всех разделить по существующим у нас бригадам. И инструмент у них есть, и поучиться там можно у опытных мастеров. Квалифицированных строителей у вас не густо, да и специфика строительства у нас совсем другая. Трудно вам будет.

Матвеев достал сигарету, долго ее мял, о чем-то задумался.

— Не то слово трудно, невозможно вам работать отрядом.

Он встал, прикурил, глубоко затянулся.

— Сами-то где работать хотите, тоже в отряде, или присмотрели место?

— Куда нам деваться? Конечно со всеми, — ответил и за меня, и за себя Володя.

— Ну что же, есть у меня работа для начала. Только, чур, не пицать! Так, кажется, у Макаренко? — спросил Матвеев, хитро улыбаясь.

— А мы сюда за тысячи километров не пицать ехали, — ответил я с вызовом.

— А мы не собираемся вас воспитывать.

Матвеев подошел к окну, подозвал нас.

— Видите вот это недостроенное здание?

— Видим.

— А вон ту длинную снежную гору, — показал он рукой в другую сторону.

Мы вглядывались, но какую гору он имел ввиду, понять не могли. В той стороне действительно виднелись огромные снежные сугробы.

— Так вот, ставлю задачу. Снежные горы — это горы мешков с цементом, только под снегом. А это — здание будущей растворный узел. Скоро будет тепло, снег растает и цемент погибнет. Пока он еще сухой, его надо перебазировать в это недостроенное здание, и параллельно вы его будете достраивать. Вот и все пока. Цемент там семьсот тонн. Срок вам два месяца. Вопросы есть?

Я, пораженный услышанным, подумал, что с нами просто шутят. Но, поглядев на Матвеева, понял, ему не до шуток.

— Есть вопрос. Сколько стоит один мешок цемента, доставленный сюда огромными трудами и гибнущий после таких затрат под снегом?

Павел Михайлович вернулся на свое место, загасил окурок.

— Если цемент пропадет, он будет стоить мне головы, — он помолчал немного, затем продолжил, — Доставили его сюда неожиданно, ни людей, ни помещений для складирования не было. Теперь есть вы. Успеете сделать до тепла, все будет хорошо, не успеете... — он недоговорил, встал, надел свою меховую куртку.

— Татьяна Астафьевна, оформите всех в одну бригаду. Девушек отдельно оформите малярами, и тоже бригадой. Что им здесь красить, штукатурить — не знаю, — сказал он, обращаясь к высокой белокурой женщине.

— А вы, Галина Петровна, сегодня всем выдайте спецодежду. Завтра утром на работу, — начальник хмуро оглядел нас и ушел, не попрощавшись.

Утром все строители, как обычно после завтрака, собрались на площади у столовой. Бригадиры получали последние наставления от начальника участка, прорабов. Остальные группами стояли около вахтовых машин, курили, о чем-то говорили, пересмеивались. Нам ужасно было неловко в наших новеньких телогрейках, черных шапках-ушанках, валенках. Мы все были одинаковые в своих новых робах, и резко отличались от старожиллов. Они же стояли почти все подпоясанные широкими монтажными ремнями, в потертых, а кто и в драных телогрейках, куртках с капюшонами, укороченных и подшитых валенках. Чувствовали мы себя не в своей тарелке. Еще вчера мы гордились перед ними своими стройотрядовскими куртками с нашивками, разноцветными надписями, а сегодня почувствовали полное превосходство этих бородатых, лохматых, с обветренными темными лицами, этаких северных медведей.

Ко мне подошел начальник участка и с ним еще трое. Его я уже немного знал, звали его все просто Колей, но за глаза называли почему-то «Чукоткой». Был он молод, крепок, лицом скуласт, относились к нему все с уважением. Он молча протянул мне руку. Мы поздоровались. Без лишних разговоров он представил мне остальных.

— Василий Данильчук, Виктор Переведенцев — монтажники, направлены к вам в бригаду для скорейшего вашего обживания и приживания на строительстве. А это Олег Скворцов — ваш мастер, будет на первых порах руководить вами и опекать вас, обеспечивать по необходимости инструментом и техникой.

Я поздоровался с ними.

— Вопросы по работе у тебя ко мне есть? — спросил Коля. Я молча покачал головой.

— Тогда к делу. — Он легонько хлопнул меня по плечу и ушел.

— Ну что, Данила, — сказал мастер, доставая сигареты, — веди новобранцев на объект.

Мы уже стояли вокруг него и с некоторым напряжением ждали команды.

— Пошли, мужики.

Василий зазывающе, махнул нам рукой и пошел в обход большого бревенчатого сарая, к нашему первому строительному объекту, как оказалось, самому трудному в нашей северной истории. Пройдут года, а мы все будем с уважением и грустью вспоминать «РБУ» и цемент.

Прошло три дня.

Узнать нас, прежних, было уже нельзя. Но и узнавали нас сразу, правда, уже других. Все пропитанные цементной пылью, лица, одежда, вплоть до валенок, все было серым. Работали мы в три смены. Методично и пунктуально сменяя друг друга через каждые семь часов. Нам казалось, что прошло не три дня, а три месяца. Мы раздирали смерзшиеся мешки, разгребали и сметали с них снег, закидывали на машины, которые перевозили цемент к будущему зданию растворного узла. Болели с непривычки руки и спина, пальцы не сгибались. Ноги спотыкались и дрожали в коленках. Но никто не подавал виду. Закинув мешок на машину, возвращались и выдирали изо льда и снега другой. И так день за днем, смена за сменой, останавливаясь на короткие перекуры, во время которых мы отогревали окоченевшие больные пальцы и лица, сидя в старенькой бытовке, привезенной нам Васей и Виктором. Они здорово нам помогли. Достали бытовку, смастерили электрическую печку, которую почему-то называли «козлом». Быстро организовали расчистку места под складирование цемента. Помогли организовать равномерную круглосуточную работу. Выпросили у кладовщицы рукавицы на смену. Рассказывали разные истории о Севере, о капризах погоды, о технике, о людях. Благодаря им, у нас стало складываться представление о том месте, где мы находимся.

Прошла еще неделя.

* * *

Мы немного обжились, обтерлись. Работать стали живее, быстро доставали мешки, ловко закидывали их в кузов машины. Наши лица немного привыкли к обжигающему холодному ветру. В перекурах рассказывали о себе, вспоминали о местах, где выросли, о прежней работе.

Загрузив очередную машину, мы расселись тут же на мешках. Закурили.

— Смотри, Кустов бежит, — сказал Вовка Дубин, встав с мешка. — Чего это он?

— Мужики все в бытовку. Там из горкома комсомола прибыли.

Мы нехотя поднялись и пошли за ним.

— А кто приехал?

— Не знаю, не разглядел. По-моему, кто-то из Москвы.

Дубин чертыхнулся. — Носит их. Все равно пользы никакой. Приедут, наговорят, обнадежат и пропадут.

Мы по одному входили в бытовку, страшивая с себя цементную пыль и оббивая снег с валенок.

В бытовке было тепло и накурено. В центре, около «козла» стояли трое — один из них инструктор Московского горкома комсомола Александр Никонов. Остальных я не знал.

Александр, увидев меня, с удивлением на лице шагнул ко мне навстречу и протянул руку. Я показал ему свои руки с въевшимся в поры цементом, и не подал ему руки.

— Ты что, работаешь со всеми? Ты же командир. Ты руководить должен. Мы тебя зачем назначали?

Я не нашелся сразу, что ему ответить. Вопрос показался мне просто дурацким.

— Во-первых, здравствуйте, а во-вторых, мне здесь платят не за руководство, а за работу. В табеле моя фамилия вместе со всеми. Если они будут на цементе задыхаться, а я в «красном уголке» дожидаться для руководства, то из этого у нас ничего не выйдет. Не те здесь условия и не те отношения. Фальшь здесь особенно чувствительна. Неужели ты не понимаешь этого?

— Ну чего ты накинулся? Я же только спросил. Пойдем, я тебя познакомлю, это корреспонденты из «Московского комсомольца».

— Слушай, Саша! Я тебя очень прошу, не надо всего этого, если они хотят, пусть берут интервью у любого, только не у меня. Представлять и выделять меня не надо. Мне, чтобы командовать, авторитет заслужить надо, прежде всего, у отряда. А этого мне пока не удастся. Хватит с меня того, что в Москве все газеты, вплоть до телевидения обо мне говорили. Я не космонавт, и еще ничего здесь не сделал, кроме каких-то погруженных мною на машину ста мешков цемента.

Никонов, остановился, посмотрел на меня долгим, холодным взглядом.

— Ты, прежде всего, коммунист и должен понимать роль печати. Говорить ты будешь и, пожалуйста, поменьше жалоб. Пропаганда должна освещать положительные черты вашей жизни. Ну, что ты нервничаешь? — смягчился Никонов.

— Расскажи о том, как вас провожали в Москве, как встречали здесь, какое жилье предоставили. Впечатления о северной природе, ну, сам понимаешь, что их интересует.

Он, смягчившись, подвел меня к корреспондентам. Я поздоровался с ними. Они с любопытством осмотрели меня. В их глазах я прочел разочарование и, по-моему, даже брезгливость у одного из них, когда он увидел мои руки.

— Я вас прошу, — начал я первым, — расскажите ребятам о Москве, о погоде на Большой земле, о новостях, хотя мы и сами недавно оттуда, но все же ребятам будет приятно.

Они удивленно посмотрели на меня и оглянулись на ребят. Те по одному входили, здоровались, устало усаживались на скамейках, снимали рукавицы, шапки. Пытались пригладить разлохмаченные, мокрые от пота волосы.

Ребята внимательно слушали гостей из Москвы, отвечали на вопросы. Беседа вроде получилась.

— Можно мне сказать? — спросил, вставая, Валера Никонович.

— У меня к вам, товарищи корреспонденты, вот такая просьба. Спросите через газету, для чего нас сюда привезли?

В бытовке стало тихо, стало слышно, как напряженно гудит раскаленная спираль «козла». Никонов вытер платком лоб и посмотрел на меня. В его глазах стоял вопрос. Валера продолжал:

— Нас привезли сюда за тысячи километров, затратили уйму денег на транспорт, форму, обеды в ресторанах, концерты. Но вот мы уже почти месяц здесь, а инструмента для нас нет абсолютно никакого, за исключением лопат. Продумали все, жилье для нас, простыни, спортивную форму, даже графины в комнаты дали, а вот простого молотка взять негде. Вот и получается, что мы здесь оказались лишними. Наши девчонки две недели мусор на строительной площадке перекалдывают. Нет для них краски. У нас растворный узел открытый стоит. Работы там непочатый край. Через месяц тепло настанет, снег таять начнет, цемент может окончательно погибнуть. А мы беспомощны. У строительного управления фонда на получение инструмента и дополнительного материала для нас нет. У меня все.

Валера дрожащей рукой пытался закурить, сломав сигарету, он сел.

Стояла тишина, все смотрели на меня. Я встал.

— Ты, Саша, сказал, что я должен сказать что-нибудь для прессы. Вот я и говорю, вопрос надо с нами решать серьезно. Отговорками здесь не поможешь. Нам действительно надо помочь. А теперь, извините, нам надо работать. Пошли ребята. Машины ждут.

Я взял шапку и пошел к выходу.

Загрузив пятую за сегодняшний день машину, я посмотрел на часы. Смена кончалась. Мы отработали уже три недели, а гора цемента, как была горой, так и осталась.

Пришла вторая смена. Вместе с ними пришел и мастер Олег Скворцов. Поглядев также на цемент, он сказал: — Не успеете вы, надо что-то делать. Такими темпами цемент уберем к концу лета.

— Надо два крана и поддоны, — сказал я. — Мы будем складывать мешки на поддоны, краном грузить на машины,

и так же разгружать. Дело должно пойти быстрее.

— Где же я тебе возьму их? На строительной площадке не хватает кранов. А ты говоришь, цемент. — Он нахмурился. — Может продлить смены? Часа на два?

— Ты что, Олег, посмотри на людей, они спотыкаются уже. Ведь мы не двужилые. Не продлять смены, а отдых дать надо, третью неделю без выходных работаем.

К нам подошел Агеев, поздоровался.

— О чем вы спорите?

— Руководство не довольны, не успеваем. Смену продлить предлагает, а я против.

— Комиссар! — обратился Скворцов к Володе, — задание на грани срыва. Времени осталось чуть больше месяца, а сделано очень мало. Надо поговорить с ребятами. Вы же комсомольцы.

— Слушай, Олег, — лицо Володи побагровело, — да, мы комсомольцы, да, мы послушно исправляем то, что вами было успешно сделано, чтобы загубить дефицитный строительный материал, мешок которого здесь стоит десяти мешков на Большой земле.

Я пытался остановить его, но безуспешно.

— Теперь вы хотите за счет нашего горба, за счет здоровья этих ребят, спасти свои шкуры. Давайте теперь, гноите комсомольцев, герои приехали. Они все сделают быстро, с наименьшими затратами и волнениями для вас.

Агеев махнул рукой, повернулся и ушел.

— Что, Олег, досталось? А ведь, в сущности, он прав. Без техники мы не успеем. Сам видишь. Люди устали. Пошли, что ли, домой.

Сняв рукавицу, я хотел погреть ладонью лицо, рука была в серо-зеленых, грязных разводах. Попытался вытереть ее о телогрейку, но чистого места не нашел. Замерзшие щеки нестерпимо болели. Я повернулся и побежал к общежитию.

Холодный северный ветерок к вечеру превратился в воющий буран. Мело всю ночь, ветер не только не перестал, а усилил свой злой нрав. В окна нещадно сквозило, занавески колыхались, показывая всю скрытую недобросовестную работу плотников, собиравших спешно этот дом для нас. Мы пытались проконопатить щели разным тряпьем, но это мало помогало. От холода замерзла вода в графине.

Вставать не хотелось, под одеялом все-таки теплей, тело уставшее, как будто и не спал. Дверь раскрылась, вошел комиссар. Он уже одет, гладко выбрит.

— Так не годится, командир. На тебя народ смотрит, а ты валяешься.

Я нехотя встал.

Он присвистнул. — Вот это порядочек, в постели, одетый. Три наряда у меня на кухню, в прежние, славные времена, ты бы схлопотал.

Я разозлился.

— Здесь не армия и не морской десант. Пора перестроиться.

— Ну ладно, не злись. — Володя сел на стул. — Хотя должен сказать, порядок там у нас был не очень плохой.

— Ты лучше скажи, что делать будем?

Я посмотрел на него и притопнул одетым валенком, на полу остался мокрый след.

— Валенки не высохли. Как людей на работу вести в такую погоду?

Агеев поводит усами.

— А люди знали, куда ехали? Да и северные надбавки здесь за погоду вот такую, за особые климатические условия начисляют.

Я разозлился окончательно.

— Люди здесь без году неделя. Не привыкшие, не окрепшие, заболит завтра половина, а это уже не день и не два потерянных. А у нас задание первое на грани срыва.

— Что ты предлагаешь? — Володя встал.

— На работу сегодня не идти, отдохнуть. Погода утихнет, выйдем на работу, продлим смену, наверстаем. — Произнес я, видимо не очень убедительно.

Агеев подошел к двери, взялся за ручку.

— Ты как хочешь, а сюда я ехал не отдыхать. Я иду на работу.

Он ушел. Ребята, молча наблюдавшие за нашим разговором, привстали.

— Что, командир, делать будем? Может правда, не пойдем, — спросил Юра, кутаясь снова в одеяло.

— Через пятнадцать минут столовая закроется, а в восемь машины будут ждать, а вы дрыхнете. — С досадой произнес я и вышел.

По коридору с неохотой шли наши ребята, с посеревшими от цементной пыли лицами. Пока надевали робы, вымазались.

В восемь часов и правда, подъехали «Татры», поприветствовав нас радостно сигналами. Матвеев пообещал водителям хороший заработок, вот они и старались вовсю. Во всяком случае, задержек у нас не было.

На таком ветру работать с цементом было еще тяжелей. Не только глотки забивало смесью цемента и снега, но и глаза. Появилась резь. Глаза слезились. Протереть было нечем. После каждого поднятого мешка дышалось тяжело, чувствовалась нехватка кислорода. И только усилием воли я заставлял себя поднять следующий мешок, нести было несколько легче. Главное поднять на плечо. Труднее было на машине. Там приходилось оттащить дальше в кузов и складировать. А это на полусогнутых руках. Долго там никто не выдерживал. Сегодня на машине был Агеев и Никонович. В мозгах стучало одно: — Когда уже заполним эту машину, чтобы несколько минут отдохнуть? Но вида не подавал, заставлял себя брать следующий мешок. Главное оторвать его от земли, теперь закинуть на плечо, теперь донести. Еще один кину и все, упаду. Но кидал еще один, потом еще, еще...

Опять режет правый глаз, ничего, слезой его промоет, и нагибаюсь за следующим...

В перерыве, в бытовке, скинув шапки, расстегнувшись, устало курили. Все молчали, не только шутить, разговаривать не хотелось. Я потянулся: — Ну, что молчите? Небось, думаете — когда все это кончится? Ничего ребята, еще немного и все будет хорошо. Не всю жизнь таскать нам их.

— Всю не всю, а кажется, что я целую жизнь мешки таскаю. Тупеешь прямо от этого цемента, — Никонович зло бросил окурочку и сплюнул, — слюней-то нет, один раствор лезет. И откуда у тебя, командир, силы берутся. Давно бы я бросил все и ушел, а ты все нагибаешься за следующим. Думаю, ну, вот последний возьмет и бросит, а он следующий берет. У меня уже круги в глазах, а он следующий берет. А на вид, вроде, похилей меня. Я опешил от такого вопроса:

— А я на Вас смотрю, из последних сил тащу, боюсь уронить. Засмеете, или за сачка примите. Вот и тащу. Я думал, что у меня одного в глазах черно.

— Ну и повезло нам с командиром, — Кустов хитро улыбнулся, — загонит, он нас в цементную могилу и первой северной полочки не увидим.

На улице энергично затрубили «Татры». Мы нехотя надели шапки, застегивая телогрейки, медленно по одному стали выходить. Рядом с «Татрами» стояли два автокрана. Дружно грянуло «Ура!» За весь месяц работы первая радость, и всего-то два крана, а радости...

Прошла еще неделя.

Цементные кучи заметно убывали. С кранами дело пошло веселей, но и солнце стало теплей, на темном цементе днем снежок подтаивал, а ночью подмерзал. Смерзшиеся бумажные мешки все чаще рвались, цемент рассыпался. Мы нашли большие деревянные ящики из-под оборудования, цемент из рваных мешков ссыпали в них. Приближалось девятое мая — День Победы. Мы хотели к празднику закончить складирование цемента. Ребята старались, чувствуя близкий конец мучениям. Краны вертелись вовсю. После обеда подошел Чукотка. Молча кивнул мне, походил вокруг оставшихся мешков. Один из них поддал ногой, из пробитой дыры брызнул серый фонтанчик.

— Вот сука, — выругался Дубин, — мы горстями собираем, а он мешки рвет.

Чукотка подозвал меня.

— В общем, дело обстоит так, цемента немного осталось, молодцы! Можете идти отдыхать. Завтра займетесь раствором узлом.

— Да ты что, тут еще несколько тонн, нам работы дня на два осталось, — возразил я.

— Без вас все сделают. Идите домой отдыхать. Я приказываю. Чукотка повернулся и ушел.

Я подошел к ребятам: — Мужики, я ничего не понимаю, но нам приказано идти отдыхать.

— А цемент?

— Без нас все сделают.

— Кто делает? На площадке ни одного свободного человека.

— Я не знаю. Чукотка сказал, что сделают.

— Сделают, так сделают, что переживать, радостно должно быть.

Кустов размахнулся и далеко закинул серые от пыли рукавицы.

Все ушли домой.

Искупавшись в душе, выстирав кое-какую одежду, я вошел в комнату.

— А, у нас гости! — я бросил мокрые тряпки, вытер руки и поздоровался с Васей.

— Что нового в городе? Как семья?

— Семья в порядке. Комиссия к нам едет, — он закурил.

— Почему не работаете? Закончили? — спросил Данильчук, по-простому — Данила.

— «Чукотка» домой послал отдыхать, говорит, без нас сделают.

— Понятно, — произнес Данила, — А много цемента еще осталось?

— Да тонн пятьдесят, может больше.

Данила присвистнул: — Знаешь кто там за вас управляется?

— Кто?

— Каматцу.

— Не понял, кто?

— Каматцу говорю. Бульдозер японский. Стребаёт все в речку. Засыпает снегом. Летом растает, все смоем водой, льдом растащит, никаких следов.

Я опешил. — Зачем?

— Я же говорю, комиссия из народного контроля должна быть. Вот и заметают следы.

Я вскочил, стал надевать ватник, руки противно дрожали, в ушах стучало:

— Как же это? Ведь собирали горстями, как же это?

Выскочив в коридор, я заорал, — Агеев, комиссар, за мной! — и выбежал на улицу.

За те полтора часа, что нас не было, сделано было почти все. Весь оставшийся цемент был в реке. Серая смесь цемента, рваных мешков и снега — все было сброшено с высокого обрыва. Сверху валялись раздавленные доски ящичков, куда мы бережно ссыпали цемент из рваных мешков. Огромный бульдозер, заметая следы, засыпал серые пятна белым снегом. Через полчаса никаких заметных следов.

— Чисто сработано.

Я обернулся. Рядом стоял комиссар и почти весь отряд. Из кабины трактора, этого чуда иностранной техники, вылез машинист.

— Мужики, вы чего? — он спрыгнул на землю. Агеев медленно подошел к трактору.

— Да это что, семечки. Вот на Челябинской нитке, у Ягинетской компрессорной пятьсот тонн по весне намокло и застыло. То была работка, сутки зарывали. Министра ждали, а он круг на вертушке дал, только его и видели. Если бы не вы, и это бы зарыли.

— Дать бы тебе по рогам, — Володя стоял бледный.

— Ну, это ты брось, — машинист попятился, — я человек подневольный, мне приказали, я выполняю. Привыкните, еще не то увидите.

Он проворно заскочил в кабину. Взревев мощным мотором, бульдозер развернулся и, лязгая гусеницами, ходко покотился к поселку. Мы медленно побрели за ним. Так наш ударный комсомольский отряд получил боевое крещение.

Утром ряды нашего отряда поредели. Вахтовая машина увезла пять человек. Они, выдержав морозы, студеные ветра, адскую работу, не смогли вынести другого, более трудного и страшного. Доверившись своему романтическому порыву, неосторожно раскрыв свои души, они впустили туда смертельный холод равнодушия.

Шел май 1983 года.

ГРУСТНОЕ СОЛНЦЕ

Удивительно сильно, совсем не по-северному, припекало солнце. Даже в Москве, такое пекло редкость. Все время хотелось пить. Спецовка прилипла к потному телу. Даже не верилось, что еще два месяца назад мы глотали снежную пыль, перемешанную с цементом. Потирали обмороженные щеки, проклиная стылый ветер. Все это было совсем недавно, а теперь, неумело ползая по шатким балкам перекрытий растворного узла, изнывая от давящего, беспощадного солнца, мы смена за сменой торопились закончить наш первый объект.

Чукотка каждый день заглядывал к нам, определяя, на сколько мы продвинулись, и осуждающе качая головой, уходил. Забот у него — не дай бог другому. На его плечах было все: и столовая, и медпункт, и водозабор, а уж о главных объектах строительства компрессорной станции и говорить было нечего. Каждый день наезжало начальство из Уренгоя, и каждый день разное: то из управления, то из треста, то из главка, и еще, и еще, и все важные, и все грозные. И все требуют ускорения темпа, устраивают разносы, обещают организовать снабжение, орут по полемому военному телефону на какого-то Гельфанда, обещая приехать и снести ему голову, если тот срочно, к вечеру, не пришлет тонну электродов. Электродов все равно никто не вез, а если и привозили, то их едва хватало на одну смену. На следующий день с утра то же самое, Чукотка кричит по телефону, нужны электроды, металлические балки, картошка в столовую и прочее, а с обеда очередной проверяющий орет сначала на Чукотку, потом долго ищет по телефону Гельфанда и обещает приехать лично проверить у того склады и лично оторвать тому голову. Начальники с чувством выполненного долга, как же, порядок навели, усталые, уезжали в персональных уазиках в город, зачастую увозя ящик тушенки или сгущенки в багажнике, которую «случайно» туда забрасывал грузчик из столовки. А Чукотка бежал к сварщикам на трубопровод, выпрашивать электроды в долг. У них со снабжением было лучше, как же, они саму трубу варили, все журналисты, телевидение прямым ходом к ним, они на виду у всей страны. Но хохма в том, что все журналисты просили показать аппарат механизированной сварки, а тот давно стоял заброшенный на складе металлолома. Его собирать, налаживать надо смену, не меньше. Мороки больше, чем пользы. И не дай бог, машина сбой даст, тогда надо вырезать шов, чистить, стыковать — еще целую смену потратить на все это надо. Так и стоит он сиротливо. Журналисты походят вокруг и идут снимать сварщиков, а те, словно космонавты, важные, в кожаных белых спецовках, как будто и не замечают возни вокруг них, красуются.

* * *

Нам доставалось на орехи, как правило, вечером, на совещании в прорабском вагончике. Мы отставали от графика. Через месяц растворный узел должен дать первый бетон для заливки фундамента под первый компрессор, который уже доставили на площадку из Германии. Зашитый добротными струганными досками, он одиноко возвышался среди кипящей, снующей стройки. Именно его должны были водрузить на фундамент, опалубку которого, на всю округу сверкая голубыми сполохами, варили десяток сварщиков, вокруг которых деловито суетились монтажники, постоянно что-то замеряли рулетками, громко матерились и остервенело колотили огромными кувалдами, вгоняя в размеры сваренные конструкции.

Работали и ночью, хотя ночь далеко условная, солнце за горизонт не садилось, а медленно ползло по нему, подсвечивая огненной краской облака. Те, принимая формы то огромных кораблей с розовыми парусами, то огнедышащих вулканов, все, неопикуемой красоты, медленно скользили по чистому голубому небу.

Но увидеть эту красоту мы могли, если сонные выбегали на улицу по нужде, или когда нас задерживали во вторую смену, надеясь, таким образом, сократить отставание от графика. Хотя и тогда мы могли только мельком, в короткие передышки, недолго полюбоваться этим летним полярным небом.

* * *

Через неделю на нас навалилась новая напасть, комары. Огромные, тяжелые, они стали облеплять нас, с жадностью впиваясь своими хоботками в, видимо, для них совсем еще нежную, нашу плоть. Это было ужасно. Мы столько

слышали о них на Большой земле по телику, из репортажей журналистов, восторженно описывающих романтику Севера, и, особенно, восторженно воспевавших комаров. Мы мигом стали распухать от укусов, особенно страдал Пашка Орлов, они его жрали с особенным усердием. Нашим девчонкам, тоже доставалось. Они закутывались в платки, надевали свитера, но ничего не помогало. Нас стало одолевает отчаяние. Только при легком дуновении ветра, наступало облегчение, но, как назло, ветра почти не было. Воздух звенел от комаров, особенно в прохладное вечернее время. И только к концу недели, после того, когда мы уже от отчаяния и безысходности наорали на какого-то заезжего начальника, нам привезли противомоскитные сетки и целый ящик маленьких бутылочек с вонючей белой жидкостью «Дета», которой мы стали с особым удовольствием обмазываться. Это было спасением, хотя и ненадолго, стоило в работе вспотеть, то все начиналось с начала. Старожилы со злорадными усмешками, стали пугать нас мошкой, которая должна была появиться в августе.

Впрочем, через какое то время мы привыкли и к комарам, научились их не замечать, только иногда набрасывали сетку на голову, когда эти твари совсем доставали. Противомоскитные сетки на плечах мы носили с особым удовольствием и даже шиком. Теперь мы были настоящими северянами, романтичными и загадочными, ну прямо как по телевизору.

Вот таким образом мы, бойцы комсомольского ударного отряда, незаметно вжились в эти непривычные условия. Освоились, окрепли. По вечерам все чаще стали собираться вместе, слушали Пашкину гитару, пели. Устраивали импровизированные дискотеки. Кое-что мы привезли с собой из Москвы. Серега Николаев даже стробоскоп привез. Поколдовав несколько вечеров, приспособив строительные прожекторы, подкрасив им стекла, собрали цветомузыку. Стало интересней. Обстановку создавали, завесив окна столовой одеялами, ведь солнце не садилось, светло круглые сутки. Поначалу, даже плохо спалось, потом привыкли. Местные потянулись к нам, про свое первоначальное зазнайство забыли. Оказались простыми, нормальными мужиками. За нашими девчонками стали ухаживать, сначала несмело, потом настойчивей. Да и те были не очень против, им даже нравилось их внимание. Вот только Орлов загрустил — все о жене Оксанке вспоминает. Скучный какой-то стал. Мрачный.

Ко мне зашел вечером Володя. Я освободил ему табурет, скинув Юркину одежду, своего соседа по комнате. Закрыл тетрадь с неоконченным письмом жене. Убрал ее на полку.

— Что, комиссар, чаю, — предложил я ему.

— Давай чаю. А то водка еще на земле надоела, — пошутил он.

Я включил чайник, достал заварку, стаканы.

— Слушай, Петр! Пашка что-то тоскует. Он женился незадолго до отъезда на Север. Может, придумаем что-нибудь, отпустим домой его на несколько дней.

Володя насыпал заварки в стакан, бросил туда три куска сахара.

— С билетами на самолет сейчас трудно, все в отпуск летят на землю. Зато оттуда проще обратно. Как думаешь, можно сделать, чтобы Чукотка не узнал?

Я отключил вскипевший чайник. Поставил его на стол перед ним. Сел на кровать.

— Отпустить можно. Чукотка в лицо еще не всех знает. Да и заявление Пашка может оставить, без числа. Сами поставим, если что. Причину надо придумать. Меня другое беспокоит. Не он один женат. Захотят все.

Привстав с кровати, я достал отрядные бумаги.

— Вот смотри, больше половины женатых мужиков здесь на заработках, у многих дети есть. Точно захотят. Не удержим.

Агеев налил кипятку в свой стакан, потом пододвинул мой и наполнил его.

— Я поговорю с мужиками. Заручусь поддержкой. Думаю, поймут, не маленькие. За одно деньги домой передадут. Письма. Пашка расскажет там о наших делах. Приветы нам привезет.

Он отхлебнул из стакана. Обжегся. Слишком горячий.

— Ладно, давай после полочки отправим его.

Я подсел к нему. Пододвинул горячий стакан к себе. Помешал чай ложкой.

— А пока надо в город смотаться, попросить Шенгелия помочь достать билет. Объясним, может и не откажет.

— А кто поедет?

— Кто? Ты. Твоя идея, вот ежай и претворяй ее в жизнь.

Я отхлебнул из ложечки чаю. Отложил ее, стал потихоньку пить из стакана.

Как всегда шумно, размашисто распахнув дверь, вошел Юра.

— Ну вот, как всегда, самое интересное без меня. Я чай еще с лестницы унюхал, думаю, мой заварили? Точно мой. Хорошо еще, что печенье не нашли.

Он достал из стола пачку печенья, начатую банку вишневого джема. Что-что, а этого добра в столовском буфете навалом, правда, больше там ничего толкового и не было. Так, жареная рыба, холодные котлеты, только кому они нужны? Спиртного нет, закусывать нечего. Короче, в ходу чай, сахар, печенье и джем вишневый, который нам уже сильно приелся.

— О чем печалитесь? Какие заботы к нам комиссара привели?

— Да нет, ничего, просто так зашел. — Володя отставил недопитый стакан.

— Ну да, он пришел просто так. Попить моего чая. Грузите, грузите мне больше в уши, может и поверю.

— Вы мне лучше скажите, как Пашку в Москву отпустить на недельку. Он своим видом все настроение нашему юному трудовому коллективу портит. В связи с отсутствием в поселке молока, у нас моча от него киснет. Все мужики об этом только и говорят. Заодно денег женам свезет, нам пива привезет, прочие напитки к холодным котлетам из буфета. Ввиду местного сухого закона, не будем всуе произносить вслух, названия возжеленных божественных напитков.

Мы переглянулись с Агеевым.

— Ну вот, командир, гордись. Какие у тебя бойцы, орлы, в разведку с ними, а ты: то цемент грести, то тяжеленные железки таскать. Ну никакой романтики с тобой.

Володя встал, пожал нам руки, прощаясь.

— Юра! Я завтра в город поеду. Пора с Гельфандом знакомиться, проверю его склады. Голову ему отверну. Всем можно, а я, что, рыжий? — Володя играя, шуточно пожал плечами, продолжил, — тоже покручу. И еще, заодно, надо одно дельце прокрутить.

— Понятно, билет счастливый раздобыть на землю обетованную, — засмеялся Юра, и довольный бухнулся на свою кровать.

— Только, при чем здесь рыжий. Чуть что, рыжий. Ну рыжий я! Какие у Вас вопросы к рыжим? Тоже рыжие? — весело балагурил он, снимая рубаху, готовясь ко сну.

Выехал он рано. Остановив на трассе попутную вахтовку, Володя уже часам к одиннадцати был в городе.

Город, это громко сказано. Скорее поселок с несколькими многоэтажными домами на сваях, тремя магазинами, почтой, рестораном, большим зданием в центре, где располагались исполком, горкомы партии и комсомола, там же располагался штаб ЦК комсомольской стройки с его начальником Тенгизом Шенгелия.

Вокруг всего этого на сотни метров раскинулись вагончики, сараи, обшитые рубероидом, фанерой, прочим материалом. В них и жила основная масса городского народа. Все это называлось, за свою хаотичность, непредсказуемость народной архитектуры, за горы мусора и грязи — «Шанхаем».

Вдоль трассы в аэропорт, располагались базы буровиков, автоколонны, огромные ремонтные мастерские, парки тракторов, кранов и прочей техники. И все это жило своей жизнью, по своим законам, подчиненных суровым условиям Севера.

Агеев направился к Шенгелия. Тенгиз встретил Володю радушно, усадил, стал расспрашивать о делах на трассе, так городские называли, все, что находилось за городом. Выслушав Агеева, пообещал устроить один билет для Орлова. Хмуρο выслушал о проблемах со снабжением, но обещать ничего не стал. Объяснил, как найти легендарного Гельфанда, подумав немного, снял трубку, позвонил тому и попросил принять Володю, выслушать и, если можно, помочь. Взяв листок бумаги, что-то написал. Сложил его и, протягивая Володе, сказал: — В аэропорту найдешь Тамару Ивановну, диспетчера по перевозкам, отдашь записку. Поможет. Гельфанд и его склады рядом с аэропортом, — добавил он и попрощался за руку с Агеевым.

Потолкавшись в переполненном людьми, тесном здании аэропорта, Володя с трудом нашел диспетчера по перевозкам. Тамара Ивановна взяла записку, прочитала, стала ругать Тенгиза.

— Знает, что здесь творится и все равно шлет, благодетель. Дурдом какой-то. Билет куда надо? Наверное, в Москву? Конечно, куда тяжелей всего, туда и надо.

Поворчав еще немного, она вышла. Появившись через некоторое время, с удивлением взглянула на него: — Ты еще здесь? Топай отсюда, придешь к трем часам, посмотрю, что можно сделать?

Из аэропорта Володя направился в сторону складов, которые располагались примерно в километре. Изрядно устав идти по вязкому песку, с трудом взобрался на песчаный насыпной холм на котором и располагались штабеля ящиков, ряды контейнеров, горы бревен, пирамиды уложенного на поддоны кирпича. На сотню метров тянулись уложенные ряды труб, связки металлических швеллерных и двутавровых балок, пачки листового железа. Порядок всего этого желал быть лучше. Все это вросло в землю или было занесено песком. То там, то здесь валялись опрокинутые ящики с вывалившимся содержимым. Один контейнер, завалился на бок, рядом валялась оторванная железная дверь, вокруг валялись пачками и россыпью электроды. В конце стояли вагончики, в которых находилась складская контора.

Спросил у, замотанной в платок, в утепленной рабочей куртке, но, несмотря на это, довольно привлекательной, женщины, как найти Гельфанда? Та оглядела Володю, с любопытством рассмотрела нашивки на его стройотрядовской куртке, махнула в конец ряда.

— Иосиф Давыдович там сидит. Ты только не серди его, на него и так сегодня все орут. Всем все надо, а людей не дают, ни перебрать ничего не можем, ни погрузить быстро.

Агеев, постучав, открыл дверь. В углу за столом сидел пожилой мужчина с усталым лицом. Было накурено. Что-то рассматривая в лежащих перед ним бумагах, тот словно не слышал вошедшего Володю.

— Здравствуйте! — поздоровался громким уверенным голосом Агеев. Тот не ответил. Минуту помолчав, мужчина оторвался от бумаг, оглядел Володю.

— Ну, слушаю? — неприветливо проговорил он и опять уткнулся в бумаги.

— Я с компрессорной станции, у нас большие проблемы со снабжением строй материалов, хотелось бы с вами поговорить, выяснить, в чем дело. Почему все так происходит? У нас электродов не хватает, металла, а у Вас тут россыпи, под дождем мокнут. Это же вредительство какое-то, — выпалил Агеев.

— А вы кто такой? Инспектор ОБХСС, или народный контроль? Нет, что я говорю, я же вижу, передо мной герой-доброволец. Все должны перед ним стоять на коленях и молиться. Это же наш спаситель, он наведет вокруг железной рукой порядок. Все засияет. И мы очень быстро построим коммунизм. — Картавым языком, с выразительным ярким еврейским акцентом, не поднимая головы, Гельфанд невозмутимо продолжал. — Вы, молодой человек, от Шенгелия, да? По благу, за материалами. У вас есть накладные, есть транспорт, есть грузчики? Вы готовы опустошить наши склады. Прекрасно. Можете приступать.

Володе стало стыдно. Перед ним сидел усталый, раздраженный человек.

— Вы извините, я, наверное, зря вот так, но то, что я увидел, меня поразило. И я не за материалами, я хочу понять, выяснить. Почему все так?

Иосиф Давыдович поднял голову и с интересом поглядел на юношу.

Встал, снял со стула стопку папок и предложил Володе сесть.

— Вы сколько времени здесь находитесь? Два-три месяца? А я уже восемь лет, да, с самого начала, с первой навигации — на корабликах, баржах материалы везли. Да-да, все, что здесь вы видите, пришло по морю и по рекам, на кораблях. Разгружалось, перегружалось не раз. И условия, поверьте, были не самые располагающие. — Он встал, закурил. — Вы из Москвы недавно, как там в Москве? — Не дожидаясь ответа, продолжил. — А на все про все, молодой человек, у меня три кладовицы, пять грузчиков, два крановщика, мизерная зарплата, и много работы. Может, комсомольцы желают у нас поработать? Сто пятьдесят — оклад, семьдесят процентов — северный коэффициент, плюс полярные, если заработаете, не сбежите. Устраивает? Приходите, поработаем. По глазам вижу, не устраивает. — Он загасил сигарету. Акцента у него уже не было. Говорил он все это нормальным обычным языком. Но тут опять продолжил, видимо шутя, с еврейским акцентом.

— У меня нет времени, если у вас есть, то продолжайте, я буду вас немножко слушать, немножко работать.

— Скажите, а что надо сделать в первую очередь? — спросил Володя, — сколько надо человек? На какое время? Но только так, чтобы мы могли действительно Вам помочь.

Гельфанд снял очки, отложил их в сторону.

— Это вы с цементом боролись? Молодцы, победили, не сдались. Мы тут все с интересом за вами наблюдали. Переживали за вас, — и еще раз, о чем-то задумавшись, повторил, — молодцы!

— Вы серьезно хотите помочь? А как вы собираетесь это сделать?

— Попробуем выделить дня на три, от каждой бригады человека по два. Только их надо разместить где-то, кормить, опять же, надо. Это человек десять-двенадцать. Я приеду на трассу, переговорю, вам позвоню. — Володя вытер рукавом, вдруг вспотевший, лоб, спросил: — А откуда вы знаете про цемент?

Иосиф Давыдович уже с интересом разглядывал Володю.

— Место найдем, не люкс конечно, но матрасы и кровати есть. Столовка не далеко, отвезем. — Он встал. Подошел к окну. — Пятнадцать тонн электродов надо разобрать, переложить, просушить. Закладных деталей двадцать тонн перебрать надо. Металл перескладировать на стеллажах, пересортировать. Опять же, кисти, краска в бочках. Все это надо в порядок привести, расставить, пересчитать, сложить под навесы, — повернувшись к Володе, продолжил, — после цемента, это для вас, так — мелочь. — Он улыбнулся.

— Теперь про ваши подвиги каждый каюр в тундре знает. Ругаются они. Речку, сваленным в нее цементом, испортили. А вас хвалят. Если бы не вы, еще хуже было бы. Еще разбираться будут, и видимо, в райкоме. Матвеева жалко. Могут его крайним в этом бардаке сделать.

Володя, растерянный от услышанного, встал.

— Я, как решу эти вопросы, вам позвоню. Только, чур, снабжение компрессорной будет осуществляться с Вашей стороны в первую очередь.

— Договорились. — Иосиф Давыдович протянул руку Володе для прощания. Тот с удовольствием пожал ее и вышел.

Гельфанд подошел к окну, с улыбкой посмотрел Володе вслед.

— В первую очередь, в первую очередь. Будто у меня есть вторая очередь. Только все для вас и отгружаем, — проворчал он и вернулся к вороху бумаг на столе.

Вернулся Володя поздно, все уже спали. Он тихонько вошел в комнату, где жил Пашка. Тот, худенький, свернувшись калачиком, крепко спал. Он стал тихонько будить его. Пашка не просыпался, сердито лягаясь во сне ногой. С трудом, все-таки разбудил его. Спросонья, ничего не понимая, Орлов тупо смотрел на билеты, которые совал ему Володя.

— Да проснись же ты, — рассердился Агеев, — ты завтра летишь домой, в Москву. Напиши заявление на неделю, по семейным обстоятельствам. Прямо сейчас. Завтра будет некогда. Собери сегодня вещи. Ребята хотят деньги, письма передать своим. С утра соберешь. Ладно, давай. Спать хочу, устал, как собака. — Он вышел в коридор, оставив недоуменного, со сна еще туго соображающего, Пашку.

Как же я задолбался в этом городе, — подумал Володя, вытянувшись на кровати, и тут же заснул.

* * *

Солнце жарило вовсю. — Не скажешь, что рядом полярный круг. Вокруг песочек. Прямо курорт, — так размышляя, я лежал под торчащей из песка, еще зимой вбитой в мерзлую землю, металлической сваей, накрытой квадратным куском толстого металла и, медленно водя горящим электродом по стыку, наблюдал сквозь темное защитное стекло сварочного щитка за наплавлением металла. Он красиво таял под электрической дугой и, придерживаемый силой пламени, заполнял стык. Темный шлак, потрескивая, кипел, и, как будто сердясь за свою ненужность, пузырился по краям шва, еще довольно долго оставаясь красным. Металл же, под воздействием дуги, завораживающе сказочно переливался синим цветом, быстро темнея, застывал, ложась ровными, красивыми чешуйками, образовывал прочный шов. Так день за днем, переползая от одной сваи к другой, мы медленно, но уверенно, создавали основание под контрольное здание. Здесь должно расположиться сердце, а точнее, мозг всей станции. Невдалеке от меня копошились Разодеев с Валеркой Никоновичем. Они готовили под сварку новый оголовок. Коля деловито размечал сваю по кругу, Валера, держа одной рукой, направленный в сторону, горящий резак, другой придерживал шаблон, помогая ему. Проверив правильность разметки, Коля разрешал Никоновичу приступить к резке. Тот, заняв удобное положение, упирался одним коленом в сваю, стоя на другом, сосредоточенно и серьезно, так, как будто ничего важнее для него нет, начинал разогревать голубым, ровно шипящим пламенем металл. Потом, открыв на всю вентиль режущего кислорода, осыпав все вокруг миллиардами брызжащих искр, начинал резать по кругу трубу, стараясь оставлять ровный срез, так, чтобы между плитой и оголовком, при их соприкосновении, не оставалось щели. Это мастерство достигалось упорным трудом и являлось большим искусством. Не всегда это удавалось, то рука соскользнет, дернется, то может порывом ветра качнуть, только сварщик потом долго и громко ругается, теряя время и тратя лишние электроды, заваривая образовавшуюся щель. И так каждый день, с утра до позднего вечера, ненадолго отрываясь на обед, мы, чертыхаясь и переругиваясь, делали свое дело. Только когда солнце опускалось к самому горизонту, мы заканчивали работу. Усталые, но счастливые, мы медленно брели напрямик через тундру к поселку. Собирали по пути голубику, о чем-то переговаривались, уже не ругаясь, а наоборот, становились дружны и с удовольствием приглашали товарища к найденному, богатому ягодами, кусту.

* * *

Поселок встретил нас тихо и умиротворенно, только комары рассерженные, что никого нет вокруг и им не с кого попить кровушки, гудели, роясь огромными злобными тучами. Обрадовавшись появлению людей, они стали пикировать на наши открытые участки тела. Мы же, вприпрыжку, отмахиваясь на ходу, кто чем, побежали к общаге.

Громко стуча сапогами по гулкому коридору, почесывая покусанные места, мы, ввалившись в комнату, удивленно застыли.

За столом сидела незнакомая девушка, а около нее с горячим, только что вскипевшим чайником, стоял Пашка. Увидав нас, он поставил чайник и, протягивая руки, радостно улыбаясь, направился к нам.

— Привет, мужики. Я так скучал по вам, — громко сказал он и восторженно стал нас обнимать, пожимать наши руки. Мы тоже обрадовано обняли его, смущаясь присутствием незнакомки, хотя мы уже догадались, что Пашка из

Москвы приехал не один.

— Знакомьтесь, Оксана, моя жена.

Он слегка напряженно, представил ее нам. И требовательно, с легким вызовом, посмотрел испытывающим взглядом на нас, на нашу реакцию. Та привстала, смущенно поздоровалась.

— Понятно, — произнес я, — теперь мы знаем, поком он тут тосковал.

— Производительность нам снижал, — поддержал меня Юра.

— И долго мы стоять тут у входа будем, — продолжал он, как всегда в своем репертуаре, — можем мы в последний раз в своем доме чаю попить, или нам сразу уйти, куда глаза глядят?

Оксана еще смущенно, но уже смелей, ответила: — Проходите, пожалуйста, мы уже час вас ждем. Павел чайник второй раз греет. Мы торт привезли.

— Так им и нужен торт, — встрял Паша, перебив жену, — им бутылочку водочки надо, пивка с устатку.

И он с торжественным видом достал из дорожной сумки четыре бутылки жигулевского пива.

— А торт нашим девчонкам, им тоже хочется чего-нибудь земного, родного.

— Ну что же, гуляем, — сказал я и стал стаскивать с себя робу, — вот только умоемся, — можно? — Я вопросительно, и несколько с иронией, посмотрел на Оксану.

Та, уже не стесняясь, улыбнулась мне. — Конечно, я пока выйду, а вы переодевайтесь.

— Ничего, ничего, это не обязательно, вы нам совершенно не мешаете, — не понятно, в шутку или нет, произнес Юра.

Видимо пошутил, потому что он тут же посторонился, пропуская Пашкину жену в коридор. Та, ничего не ответив, молча вышла, прикрыв за собой дверь.

Так у нас появилась первая семейная пара. Мы по-доброму завидовали Павлу. Хотя он своим поступком вызвал раздражение среди начальства. Даже Тенгиз, как я понял, обиделся на нас. Но жизнь брала свое. Все перетерлось. И мы продолжали трудиться. Эта грандиозная стройка все больше нас затягивала в свой круговорот. Нас постоянно задерживали на работе, требуя увеличения темпов работ. Мы ворчали, но сильно не сопротивлялись. Нам даже нравилось, что мы нужны. Этого мы старались не показывать внешне, но каждый, втайне от других, с удовольствием хотел, чтобы именно его попросили задержаться, не уходить со смены. Не важно кто попросит — начальник участка или кто повыше, пусть бригадир или даже звеньевой, главное, чтобы обратились. Главное, почувствовать, что именно ты нужен, тогда появляется сильное чувство удовлетворения, гордости за себя.

Пашка старался всюду, суетился, бегал по площадке. Хватался за любое дело. У него не все получалось, да и специалист он был никакой. Но его не обижали. Поручали несложную работу. Но с каким картинным видом он предстал перед женой. Один вид знатного строителя чего стоил: покрикивающий голос, усталый вид, требовательный взгляд. Это было даже забавно. Вот только мы стали жить еще тесней. Ребята, жившие с ним в одной комнате, в первый же вечер переселились в другие комнаты, потеснив товарищей.

* * *

Как-то сразу похолодало. Свинцовые тучи обложили все небо. Задул холодный ветер. Зарядили дожди. Дороги набухли. Ноги вязли в мокром насыпном песке. Машины буксовали. С виду мелкие русла речушек, превратились в широкие реки, преодоление которых стало серьезной проблемой. Кончался июль.

— Да, — шутили мужики, — июнь еще не лето, а июль уже не лето.

Курорт быстро кончился. Промокшие, замерзшие мы продолжали свое дело. Растворный узел был почти готов выдавать бетон. Основание под контрольное здание тоже было почти закончено. Последние ростверки водружались на место, крепились сваркой. Вовка Просвилов, наш прораб, то и дело протирая мокрые от дождя очки, снимал с помощью теодолита получившиеся отметки. Что-то записывал в записную книжку, молча шевелил синими от холода губами, подсчитывая в уме цифры. Недовольный, бежал в прорабскую, к чертежам.

К нам подъехал самосвал. Из него выскочил Чукотка. Молча кивнув, поздоровался. Взяв меня за локоть, отвел в сторону.

— Неприятности у нас. Размыло дорогу на трассе. Машины с грузами стоят. Надо срочно организовать ремонт. Ты можешь найти надежных ребят и срочно взяться за эту работу?

Его мокрое, изможденное лицо, еще больше от этого темное, выпирало жесткими скулами. Тут я понял, почему его все зовут Чукоткой. Он действительно, от навалившихся на него забот, круглосуточно пропадавший на площадке, часто голодный — стал похож на местных аборигенов.

— Что нужно делать? — поинтересовался я.

— Возьмешь Каматцу — трубоукладчик, застроишь две десятиметровые трубы, желательнее побольше, диаметром не меньше тысячи миллиметров. Доставишь волоком к месту размыва. Уложишь в промоину. Закрепишь и засыпешь песком. Самосвалы уже поехали в карьер грузиться. Бульдозером утрамбуешь.

Он устало вытер мокрое лицо.

— Если задание понятно, то действуй. Я найду Переведенцева, пришлю его на помощь, он поопытней.

— Ладно тебе, не обижай. Что мы две трубы не уложим, что ли?

— Не горячись. Там не все так просто. Вода сильная. Сразу не получится. Может унести трубы. Но я надеюсь на тебя. Ты вроде соображаешь.

Вскочив на подножку самосвала, он влез в кабину и уехал.

Прибыв на место, я действительно понял, что тут не все просто. Мутная вода с шумом перекачивалась по застрявшим поперек течения, принесенным откуда-то бревнам. Мужики растерянно топтались по краю размыва, ища место потверже, чтобы добраться до бревен. Славка Медведев попытался найденной слегой столкнуть одно из них, но неудачно. Мало того, оно соскользнуло, и он чуть было не свалился в воду. Хорошо, его успели схватить за шиворот куртки и удержали от неминуемого падения.

Подъехали самосвалы с песком. Надо бы глины, да где ее взять. Я, отогнав ребят от края размыва, стал командовать самосвалами. Те послушно, фыркая и натужно ревя моторами, ссыпали песок в край размыва. Он, задерживаемый бревнами, образовывал насыпь, впрочем, очень ненадежную. Зацепив трубу крюками за края, стали опускать стрелу с грузом, пытаюсь уложить трубу вдоль русла подальше от края. Сильным напором воды ее потащило вниз по течению как соломинку. Хорошо, машинист опытный попался, да и техника изумительная, мощная, послушная. Мы не раз восхищались японцами, сумевшие создать ее. Про себя, а то и вслух ругались, глядя на наши неуклюжие трактора. Это больше от обиды. Поработав с нашей техникой пару часов, уставали сильно, а работы было сделано чуть. А с такой чудесной машиной одно удовольствие было работать, особенно, если машинист толковый попадался. Иногда попадались такие виртуозы, что мы диву давались их мастерству.

Вот и наш быстро среагировал, ловко управляя маленькими рычагами, вытащил не без труда трубу назад. Я знаком похвалил его, он довольный, улыбнулся мне и снял шапку, видимо взмок от напряжения, словно он сам тащил. Я, опять же знаком, показал ему — подвинуться вперед. Огромная техника медленно, но легко подвинулась по ходу. Установив самосвалы, так чтобы они могли по команде быстро свалить песок в русло, я скомандовал машинисту опустить трубу. Тот в точности стал исполнять. Труба, поддавшись течению, немного сползла, но задержалась. Самосвалы по команде сваливали песок, один за другим. Вода, встретив препятствие, вздыбилась, но удерживаемая хлипкой песчаной плотиной, ринулась в трубу. Надо быстро отцепить крюки. Для этого необходимо было спуститься в промоину по рыхлому песку, залезть на трубу и отцепить крюки. Но рев воды, стремительное течение, пугали. Медлить тоже было нельзя. Песок быстро размывался, таял на глазах. Тут подъехал на самосвале Витька Переведенцев. Чукотка все-таки нашел и прислал его. Он, подойдя, быстро оценил ситуацию. Выхватил у Славки длинную жердь. Хлопнув меня по плечу, он указал мне на правый конец трубы, прыгнул вниз, используя слегу, взобрался на ее левую часть. Я последовал за ним. Он протянул мне в помощь конец жерди. Я уцепился за нее и тоже вскарабкался за ним. Он осторожно, боком, стал продвигаться к краю, дотянувшись, толкнул слегой крюки. Те слетели и беспомощно заболтались на тросах. Я, следуя его примеру, стал тихонько продвигаться к другому краю. Преодолеть несколько метров было не просто. Мокрая, скользкая, покатая труба, вокруг шум воды, брызги. Это действительно было сделать трудно. Виктор протянул мне конец этой длинной березовой палки, превратившейся в незаменимый, в этом случае, инструмент. Дотянувшись ею до крюков, я освободил их. Ребята на берегу радостно хлопали в замерзшие ладони. Я, гордо, с сознанием выполненного долга, прыгнул и провалился в песчаную жижу по грудь. Напитанный водой, песок стал топким. Сапоги мигом наполнились холодной водой. Позвоночник ожгло, словно раскаленным железом. От боли и холода потемнело в глазах. Судорожно забившись в зыбуне, я попытался вылезть, но меня засосало еще больше. Еще миг и меня могло утащить под трубу образовавшейся промоиной. Мной овладело чувство страха, в голове заметались мысли, наступило отчаяние, уже совсем другое, очень противное чувство холода парализовало меня. Тут на помощь опять пришел Витя. Опытный машинист подвел крюки ближе к нему — он уцепился за трос, стал одной ногой на крюк. Медленно подвел стрелу с Виктором на крюке, ко мне. Тот, нагнувшись, протянул мне руку. Я судорожно вцепился в нее двумя руками, рукопожатия крепче этого я больше не знал. Машинист, управляя стрелой, стал вытягивать меня из болота. Через мгновение я, мокрый, продрогший, без сапог, стоял на берегу. Переведенцев, оставив меня мокрого и жалкого, руководил самосвалами, трубоукладчиком, ребятами. Через час размыв дороги был ликвидирован. Вода, теперь уже мирно, шумела в трубах.

Как я был наивен и самоуверен. В простой ситуации, без опыта и сноровки, можно было наделать беды. Я еще

больше зауважал Чукотку, и мне было очень стыдно перед Виктором за свою неопытность и нерасторопность.

— Спасибо, Виктор, — поблагодарил я, протягивая ему руку, — здорово у тебя все получилось.

— Хохол молодец, — он указал на машиниста, — между прочим, тезка твой и мой земляк из Кировограда.

Я был им очень благодарен за урок и за мое спасение. Меня еще долго преследовало то противное чувство, тот мерзкий, парализующий душу холод, видимо это и был холод смерти.

* * *

Незаметно пролетел август, полный грибами, ягодами, душистыми травами, яркими красками желтеющих низкорослых березок, покрасневшими листьями осинников. Наступала осень. Даже в пасмурные, дождливые дни лесотундра была наполнена солнечным светом

На площадке полным ходом все крутилось: сновали трактора, краны не останавливались ни на минуту, ревели моторами самосвалы, возившие бетон на заливку фундаментов под огромные компрессоры. Становилось все интересней. Занятые работой, мы не видели красоты, окружавшей нас. Только усталые, еле передвигая ноги, мы иногда шли пешком по протоптанной тропе через тундру к сонному поселку. По дороге собирали в рабочие рукавицы грибы. Сплошь подосиновики и подберезовики, на маслят даже не смотрели, так много их было.

Уже близки были холода. До наступления морозов надо было успеть залить все фундаменты.

Начальство на узиках сновало между городом и строительством. Один круче другого. Мы уже не обращали на них внимание. Особо назойливые, приставали к нам, пытались руководить. Мы молча делали свое дело. Видя, что мы не реагируем, срывались на крик, требовали немедленного подчинения. Иногда, кто-нибудь из нас срывался и посылал куда подальше, не стесняясь в выражениях. Здорово помогали нам наши любимцы, тундровые собаки, особой породы, густошерстные, чуткие, сильные, очень ласковые и добрые. Но пропахших лосьоном, чужих нам начальников не любили, могли и порвать. С трудом мы сдерживали их, особенно Джаза и Тайгу. Разозленный неудачей, очередной начальник убежал в прорабскую, отбиваясь от них. Приходил Чукотка, смеялся, пересказывая нам полученные им гневные тирады. Когда мы посылали начальника посерьезней, приходил Пал Михалыч. Просил больше этого не делать. Матвеева мы уважали — и спец хороший, и человек что надо. Кстати, странно, но толковых руководителей, даже чужих, собаки не трогали, с уважением уходили в сторону, не мешали. Умницы.

* * *

Так, незаметно летело время. Появились первые «белые мухи». Установленные на постаменты огромные компрессоры одевались в красивые панельные стены. Через какое-то время, они, словно птицы в гнездах, огромные, белые и гордые, возвышались над этим местом, которое еще совсем недавно было простым оленьим пастбищем. Контрольное здание, построенное на обработанных нами сваях, приземистое, и тоже красивое, стояло тут же. В него заранее, еще до установки стен, завезли все оборудование, упакованное в крепкие ящики с надписями на немецком языке. По окончании строительства, ящики разбирали, находившееся в нем оборудование расконсервировали в присутствии представителя компании поставщика. Это были немцы, молодые, высокомерные, они не вступали ни с кем в контакт. Общались с нашими специалистами только через переводчиков. Да и мы, почему-то, не имели никакого желания общаться с ними. Довольно капризные, они доставляли много хлопот нашему местному начальству. То вода ржавая из крана течет, то вино им поставили не то. Фотоаппараты возьмут, и ну щелкать в разных ракурсах стаканы с водой, и с подсветкой, и с приближением, и с отдалением. Руками машут, быстро говорят. Морды красные становятся, руки рыжие, все в конопушках. Орут, слюни брызжут. Так и хотелось разок всунуть промеж глаз, по-нашему, чтоб настоящую прелесть жизни почувствовали, да нельзя, сгноят свои же. Правда, не все они были на одно лицо, Вальтер, например, мировой мужик, толковый, всегда подойдет, выяснит, что не получается, даст совет, улыбнется, в конце концов, нам.

Наши собаки чуть завидят их, взлетают прямо в ярости, того и гляди, порвут. Но Вальтера не трогают, наша любимая Тайга даже живот подставит для чесания, доверяет ему.

Так с полгода было, ну прямо никаких дел, один тормоз от них везде. Пока наши дипломаты не извернулись. Взяли мужиков-переводчиков заменили, на молодых переводчиц. Буквально все изменилось на глазах. И приходиться на площадку стали вовремя, и претензии улаживались тут же. Проблем сократилось вдвое. Ревновали мы, конечно, понимали, какой ценой плачено. Но нашим девчонкам-переводчицам видимо такая работа нравилась. Хотя нам за них обидно было.

Но все равно, нашим мужикам доставалось, особенно электрику Яше. Ну, прицепился, свету ему мало, не видит он

ничего. Подписывать акт приемки оборудования не хочет и все. А ящик уже вскрыт, сейчас не подпишет, все, гарантия на оборудование, находящееся в этом ящике, снимается. Денег стоит оно, дай боже. Половине отряда пахать надо полгода, чтобы его стоимость окупить. Короче, Яша извинился, переводчице сказал, что будет через пять минут и убежал. Вернулся Яша точно, в руках держит огромную прожекторную лампу. По-немецки говорит, «Айн момент», и включает лампу в розетку, та горит невыносимо ярким светом. В ящике, как днем в Крыму. Яша ехидно спрашивает, — «Проблемы со светом есть?» Дитрих от злости порыжел еще больше и ошарашено замотал головой, — «Найн, найн», — и на ломанном русском промямлил, — «Корошо, видно, кватит». И полез в ящик, что-то потрогал, не зная к чему прицепиться, вылез. Кивнул головой переводчице и, с недовольным видом, подписал акт приемки.

Только они перешли к другому ящику, как свет в здании погас вообще. На ощупь комиссия выбралась наружу. Бедный Яша, чувствуя, что пенделей ему не избежать, ринулся в электрощитовую. Так и есть, от включенной им мощной лампы, сгорел автоматический выключатель. Поковырявшись минут десять, он восстановил освещение.

Дитрих сидел в прорабской, о чем-то зло говорил, переводчица что-то ему отвечала, видимо пыталась смягчить ситуацию. Яша вбежал, улыбнулся и, как мог ласково, на немецком пригласил, — «Битте!» Но Дитрих взмахнул рукой, обнажая часы на руке, и демонстративно показал всем, мол, время вышло, рабочий день окончен. Встал и ушел. Яша растерянный и уставший присел на опустевшую скамью.

— Как все надоело, — думал он, — уйти бы в бригаду, заняться сварочными аппаратами, прожекторами. Там и уважение, и работа что надо, с ребятами поговорить можно, послать куда подальше, при случае, тоже можно, а здесь, с этими мудаками, одни нервы.

Так, сидя на скамейке, он размышлял, пока его, усталого, не сморил сон. Задремав, он увидел во сне свой городок, легендарную Каховку, арбузы на бахче огромные, деда Яшкиного — он почему-то грозил ему посохом, ругался. Яшка вдруг проснулся. Мозг его, как молнией пронзило:

— Лампу мощную, когда свет погас, на ящик положил, а из розетки не вытащил.

Вскочил, из вагончика выскочил пулей, и к контрольному зданию понесся, скользя по наезженной дороге.

В освещенных уже окнах были видны огненные языки. Яшка раскрыв двери влетел внутрь. Ворвавшийся вместе с ним морозный воздух, стал для огня детонатором. Яркое пламя, разом махнуло в сторону Яши, заметалось раненым зверем. Отброшенный невероятной силой взорвавшегося огня, Яша ударился об косяк.

Пришел он в себя от боли. Брюки, заправленные в сапоги, оплавилась и сильно прижгли бедро. Яша толкнул дверь, та, притянутая пониженным давлением от сгоревшего внутри воздуха, плотно присосалась к дверному проему, открываться никак не хотела. Яша, что было сил, уперся и приоткрыл ее. Ворвавшийся воздух опять усилил огонь, тот, красивыми протуберанцами, извиваясь, лизнул Яшу, махнув огненным сполохом наружу. Яша вывалился на улицу. Повалявшись в снегу, затушив тлеющие волосы и одежду, он вскочил и побежал в поселок.

Мы проснулись от дикого крика. Сначала со сна не встали. Уставшие, никак не желали вставать.

«Мудаки, вставайте!», — ревел над нами, весь черный от копоти Яша. «Пожар!», — орал он, — «горит контрольное здание!» И упал.

Задышавшись от бешеного бега, мы, наконец, добрались до места. Из здания вовсю валил желтый, вонючий, тошнотворный дым, его относил легким ветром в сторону компрессоров. Накануне установленная рядом бытовка с запасом воды, почему-то была оттащена метров за сто от контрольного здания. Снег вокруг был плотный, к тому же он подтаял от возникшего пожара. Использовать его не было возможности. Мной овладело отчаяние. В мозгах стучал вопрос — что делать, что делать?

— Внутри должны быть огнетушители, — осенило меня, и я, с трудом открыв дверь, шагнул за нее. Словно взорвавшись, пламя рванулось в мою сторону, радуясь и беснуясь от поступившего воздуха. Меня выкинуло обратно, как щепку. Тут же огонь внутри усилился и прорвался наружу.

Осветив всю строительную площадку, зловеще похлестав по перекрытию, он сделал свое дело. Крыша, вздохнув, гулко обрушилась внутрь, осветив окрестность миллиардами искр. Мы стояли подавленные, разочарованные своим бессилием, своей беспомощностью, от отчаяния сжали непокрытые головы руками, некоторые в бессильной ярости кусали побелевшие кулаки. Вырвавшееся на волю пламя, мотая багровыми, зловещими языками, зло издеваясь над нами, пожирало плоды наших трудов.

Яша, уткнувшись лицом в снег, плакал.

Над горизонтом поднималось грустное солнце.

Едкий черный дым, перемешиваясь с его холодными лучами, клубясь и растекаясь, покрывал всю округу серой пеленой, словно предвещал нам долгие, тоскливые перемены, и они будут, но это уже другая история.

ПУСТАЯ КРОВЬ

Утро было солнечным, это Иван почувствовал сразу, как только открыл глаза.

Сквозь старые желто-красные шторы пробивалось позднее осеннее солнце.

Тело, словно налитое свинцом, не хотело просыпаться. Ноги гудели. Чувствовалось тяжесть в руках и тупая боль в спине. Голова кружилась. Тошнота подкатила к горлу.

Иван, тяжело потянувшись, перевернулся на живот, уткнулся лицом в подушку. Свежесть наволочки, нежность накрахмаленной простыни напомнили далекую юность, когда, вернувшись на каникулы из полуголодного и трудного учения в Московском университете, Иван так же просыпался и видел эти солнечные шторы. Но тогда пьянила и радовала утренняя свежесть, приятная истома молодого тела будоражила, не давала долго валяться. Сейчас же — словно и не спал.

За окном, разрывая утреннюю тишину, громко затарахтел холодный двигатель Васькиного мотоцикла.

Иван, не помня себя, выскочил мигом из теплой, секундой назад родной и свежей кровати, упал на пол у стены, на старый, пыльный, изъеденный временем и молью ковер. Закрыв руками голову, вжался в пол.

Еще несколько секунд потарахтев, старый «Ижак», ведомый мужем Ванькиной сестры, медленно выехал со двора. Резкие хлопки холодного глушителя стали затихать, удаляясь в прохладном осеннем утре. Иван полежал еще немного, потом нехотя, тяжело приподнял голову. В избе все также было тихо, только настенные ходики громко нарушали утреннюю тишину.

Иван, обессиленный, тяжело перевернулся на спину. В ушах, словно канонада, трещали автоматные очереди, где-то внизу, тяжело били пулеметы бронемашин. Где-то вдалеке, видимо с моста, тяжело ухнуло танковое орудие. Сразу отдалось страшным взрывом тремя этажами выше. От разрыва заложило уши. По телу, от посыпавшейся вокруг бетонной крошки и стекла, побежали холодные мурашки. Вспомнились душные ночи в никарагуанских джунглях, там тоже было до тошноты страшно. Над самой головой висели вертолеты янки. Они, подобно кобрам, могли пустить на малейшее движение в густых зарослях смертоносную струю пулеметного яда.

Где-то недалеко ухнул ручной гранатомет. Это били из соседних окон отчаянные ребята из Приднестровья. Из правого крыла белого здания, отчетливыми, короткими очередями строчили автоматы Рижского ОМОНа.

Вспомнилось другое — сложная командировка к партизанам Никарагуа.

Там, в джунглях, все-таки было проще. Вокруг были простые смуглые улыбчивые лица бойцов Сандино, за Иваном стояла огромная, сильная страна — Советский Союз. В руках у Ивана была маленькая видеокамера из далекой Японии, добытая партизанами в бою. Казенную камеру, неуклюжую и тяжелую, неделей раньше разбила пуля снайпера. Снимая последние метры трофейной видеокассеты, Иван с грустью думал о том, что ему придется, вернувшись из командировки, как-то отчитываться перед своим руководством из «Останкино» за разбитую камеру.

Откуда было знать Ивану, что через полгода его отстранят от эфира, вычтут из зарплаты стоимость разбитой видеокамеры, а еще спустя некоторое время дадут понять, что он не нужен. Кристина, которая всегда мило улыбалась и радовалась ему, вдруг зло огрызнулась на шоколадную «Аленку», отказалась монтировать последнюю пленку, снятую Иваном, на которой был репортаж об оружии, поставляемом Ираном никарагуанскому контрабандистам.

Дробно застучавший за окном пулемет, прервал воспоминания о той командировке. По бетонным стенам гадко заплескались пули, побесившись немного, они мягко упали на ковер рядом с Иваном. Тогда тоже было солнечное утро. Но в окна вместе с осенним солнцем то и дело влетала, смертоносно щелкавшая по стенам, смерть. Это стреляли свои, родные, рязанские и тульские, а может и тамбовские ребята. Иван тяжело приподнялся и с опаской выглянул в окно.

На мосту стоял тяжелый танк. Рядом находилась масса народу, а

точнее, толпа любопытствующих зевак. Кто с любопытством поглядывал в сторону обреченного, но еще обороняющегося, Дома Правительства, кто разглядывал привыкших к городскому шуму плавающую парочку диких уток в Москве-реке. Кто-то торговал сигаретами, кто-то гулял просто так.

Тяжело застучали пулеметы БТР с набережной Москвы-реки, тут же разбило раму окна, стекло брызнуло мелкими осколками в Ивана. Стреляли метко, видно учили их неплохо, хотя, видя иногда на улицах этих неотесанных ребят, невозможно было даже подумать, что они могли бы так умело бить из пулеметов по своим. Иван дотянулся до трубы гранатомета и резко выставил ствол в окно, поймал в прицел башню стреляющего БТРа. Указательный палец лег на спуск. Ствол тяжелого пулемета, поблескивая огнем, продолжал бить, но уже по правому крылу, где отбивались «фрижане». Иван сместил прицел чуть ниже и увидел в открытой щели люка бледное лицо мальчишки. Оно было далеко, лицо размывчато, но все равно узнаваемо, так похоже на него самого, такое же курносое и скуластое, испуганное, от страха и напряжения, заостренное. Такому мальчишке цены бы не было лет пятьдесят назад, где-нибудь под Сталинградом, но не в центре Москвы, в конце двадцатого столетия. Иван дернул ствол гранатомета правее, под колеса второго БТРа, но там, прикрывшись щитами, сидели, испуганные, растерянные от происходящего, наши же, родные, солдатики. В окно с визгом ворвался рой пуль. По потолку, стенам ударила резкая дробь тяжелого свинца. Иван потянул ствол выше и нажал спуск. Граната, тяжело даванув воздухом по ушам, с шипеньем и воем ушла к Москве-реке. Слышно было, как она, ударившись о воду, срикошетила в бетонный берег реки, гулко разорвалась. Из людей на набережной и на мосту — кто присел, а кто и попадал. Впрочем, тут же вскочили, кроме двух зевак, которые корчились на грязном асфальте. Среди толпы раздались гневные крики. Солдаты с набережной открыли ожесточенный прицельный огонь по окну Ивана.

Комната наполнилась холодным смертельным щелканьем. Иван упал на пол, пули, срикошетила от потолка, падали рядом на паркетный пол, отскакивая от стен и звонко повизгивая, утопали в кабинетной мебели. Слева опять ударили «приднестровцы», отвлекая огонь на себя. Иван пополз из комнаты в коридор. Там было липко от крови. Всех раненых стаскивали в длинные коридоры, считая их более безопасными. Ими заниматься было некому. Легко раненные мужики из отряда сопротивления стаскивали более тяжелых вниз по лестнице, им помогали несколько пожилых женщин и молоденькая девчонка с растрепавшейся, совсем еще детской, косичкой. Видеть ее здесь было нелепо, но она деловито сновала среди всего этого кошмара, присаживаясь, то здесь, то там, упираясь тонкими ножками в измазанный кровью паркет, скользя и падая, она тащила очередного раненого к лестнице. Иван приподнялся, подбежал к девчужке, стал помогать ей. Она сердито оттолкнула его, — Я сама! Ты нужен там. — Она кивнул на ближайшую дверь.

Иван послушно оставил раненого, побежал в указанную комнату. Там двое ребят лет семнадцати, били из автоматов вниз по улице. Иван подобрал автомат и выглянул в окно. Внизу стоял БТР и остервенело бил по первому этажу. Из-за него стреляли короткими очередями рослые мужики в пятнистой серо-белой форме. Иван раньше таких не видел, это явно не солдаты, эти были профессиональней, их действия были точными и уверенными. Парнишка справа стрелять перестал, кончились патроны. Ему бросили рожок. Иван высунулся из окна и стал бить из автомата, ловя в прицел пятнистую униформу. Двое из них упали, остальные спрятались. Из кустов открыли огонь по Ивану, но мальчишка справа стал бить из окна короткими очередями, отвлекая огонь на себя. Иван перезарядил автомат и стал помогать ему. Стрельба из кустов прекратилась. БТР, задрав ствол тяжелого пулемета, стал бить хлесткими, размеренными, безжалостными, короткими очередями.

Иван, бросив автомат, пополз на старое место за гранатометом. Пацаны, подумав, что он бежит, грязно заматерились на него, но отвлекаться не стали. Иван дополз до брошенного гранатомета, зарядил его, засунул еще два заряда за пазуху, пополз боком, отталкиваясь свободной рукой, назад к ребятам. Тяжело заполз через разбитый проем обратно в комнату, где оставались пацаны, и обомлел — увиденная картина ужаснула его: один из ребят с разбитой головой лежал на полу, другому пуля ударила в грудь, но он был еще жив. Около него лежала девчужка и пыталась своей, когда-то белой шапочкой закрыть рану на груди, но кровь лилась из спины.

Парень, увидев его с гранатометом, виновато, словно прося прощения, улыбнулся. Иван поймал в прицел башню БТРа и нажал спуск, та дернулась, мотнула беспомощно, и как-то неуклюже, захлебнувшись пулеметом, замерла. Иван посмотрел на раненого, тот вопросительно глядел на него. Иван кивнул ему головой. Раненый опять, уже благодарно, ему улыбнулся и закрыл глаза, видимо потерял сознание.

Вдали, из-за бетонного забора, дробно забил пулемет. Иван пустил, не целясь, наугад, в ту сторону еще гранату. Та, ударив о бетонный забор, разнесла его в щебень. Пулемет замолчал.

С моста ударила тяжелая пушка танка. Разорвавшимся снарядом Ивана оглушило. Весь этаж заполнился едким кислым дымом. Горели ковровые дорожки, паркетные полы, мебель. Иван перебежал на старое место, вскинул гранатомет, но стрелять не стал. Рядом с танком стояли парень с девушкой и с любопытством смотрели в сторону

горящего, еще недавно белого, дома. Танк с легкостью дергал вверх-вниз тяжелой пушкой, словно гадал, куда бы еще из нее пальнуть. Иван в бессильной злобе грязно матюкнулся, выбежал в коридор. На полу сидела девчушка, притулившись к стене. Она беззвучно плакала. Рядом лежал тот, с пробитой грудью, мальчишка.

В ее зеленых глазах, было отрешенье и глубокое горе, отчаяние, боль. Иван взял ее за локоть, она громко завывала, забилась в беспомысленном припадке. Ивана обуял страх. Все, что он до сих пор видел, было ужасным, оно не воспринималось умом. Девчонка кричала и билась — в этом вое отражалась вся мерзость и пошлость происходящего, все отчаяние и пустое геройство этих погибших ребят. Стон и вой девчушки холодили душу, отрезвляли воспаленный ум. Иван понял, что оправдания и прощения в этой бойне не будет никому, ни ему, ни тем, кто на набережной, ни тем зевакам, ни этим погибшим ребятам. Обхватив девчонку, он поволок ее к лестнице, потом вниз, перелезая через обезображенные неподвижные тела, потом, скользя по битым стеклам, выбрался на улицу.

Очнулся он от тишины. Город вокруг был словно мертв. На улице ни души. Девчушка уже не плакала, но и не реагировала ни на что. Иван спросил, как ее имя, где она живет? Ее пустые зеленые глаза безумно глядели мимо него. Иван усадил ее на скамейку, похлопал по щекам, она безучастно смотрела куда-то. Он оглянулся, ища помощи. Вокруг ни души, только вдали на противоположной стороне улицы светилось окошко торговой палатки. Иван оставил девушку и пошел, шатаясь, к свету. Пригнувшись, он заглянул в окно. Оттуда противно пахло дымом, еще чем-то приторно-сладким.

— Дайте воды, — попросил он. В ответ засмеялись: «Бабки вперед!» Иван ощупал карманы, кроме пистолета у него ничего не было, достав его, он протянул его дулом в окошко. Там внутри разом все стихло, в окошко подали красивую бутылку. Иван взял ее и положил пистолет на полочку вместо денег.

Побежав обратно через дорогу, он не слышал выстрела, только почувствовал, как что-то толкнуло его в спину. Он не успел ни о чем подумать, только удивился, с какой быстротой грязный асфальт приближается к его лицу.

Утром люди, как всегда торопившиеся на работу, испуганно шарахались от окровавленного, в почерневшей от копоти и грязи одежде, лежащего посреди лужи, мужчины.

Следующей ночью сгорела ночная палатка. Говорят, какая-то девчушка метнула в нее бутылку с бензином. Но может это и неправда.

Иван разомкнул тяжелые веки. Желтый свет вернул его сознание обратно в комнату родного дома. Он попытался подняться с пола, рана на спине тяжело заныла, прилипшая повязка больно дернула.

Иван постеснялся звать на помощь сестру. Перевернувшись, он опять лег на живот. Вспомнилась та ночь. Заплаканная, обезумевшая от отчаяния и горя девчонка. Скорая помощь, какие-то люди в окровавленных халатах больно копались у него в спине. Смех медсестры: «Этому в спину попали, наверное, был трусом, бежал. Надо в милицию сообщить». Потом он с трудом вылез в окно. Потом электричка, какие-то люди орала на него, обзывали алкоголиком.

В спине все больше поднималась боль. Иван громко застонал и потерял сознание.

Ему помог местный фельдшер, которого привез на мотоцикле Василий. Через неделю ему стало легче. А еще через день, по телевизору, в вечерних новостях, удивленные соседи увидели, как арестовали Васькиного шурина. В реальности они, почему-то этого не видели. Через неделю, ночью, стараясь не шуметь, Васька с семьей уехал из села. Участковый сказал, что все равно их найдут.

А так, в селе все было спокойно, только соседские куры заклевали насмерть Васькину курицу, которая поранилась, перелетая, голодная, через изгородь на волю.

1995 г.
Москва

Летчик Петров

Сегодня опять холодно. Противный ветер продувал насквозь летнюю шинельку. Теплую летнюю куртку вместе со штанами Петров продал еще в начале мая. Татьяна опять попросила денег для Олежки. Татьяна — это бывшая жена Петрова, а Олежка их сын. Они уже четыре года как не живут вместе.

Сына он видел последний раз два года назад, в апреле, когда Петрова посылали в командировку за новым вертолетом. Расстроился он тогда сильно. Олег вытянулся, белесые нестриженные волосы непослушно торчали в разные стороны, ну совсем как у него. Какой-то по-детски неуклюжий, неразговорчивый. Как Петров не старался его разговорить, тот молчал или отвечал односложно. Да, нет, иногда, так себе. Видимо обиду на Петрова держит крепкую. А в чем он виноват, в том, что дома его часто не было. Работа такая у Петрова, летчик-вертолетчик, то с врачами ушлют, то выборы наступят, надо по всем дальним стойбищам за неделю поспеть, а там, то туман, то пурга. Ждешь, когда прояснится. То, бывает, просто метеослужба погоду не дает. Вот Татьяну и застал Петров с Женькой Фонаревым, случайно, когда в нарушение всех инструкций он все-таки домой долетел.

Женька был из синоптиков, инженером на метеостанции. Петров его знал, он с полгода как приехал на Север. Парень так себе, но Татьяну как-то закружил. Та и поддалась. Ревела потом, но Петров не смог простить. Так она и уехала на Большую землю, к маме своей. Вот Олежку жалко. И объяснить ему нельзя ничего. Так и мучаются все трое. Женька только процветает, начальником метео служит где-то на Ямале. Дрызнул он быстро из Уренгоя. Петров раз только и успел засадить ему промеж глаз.

С тех пор Петров больше на запреты метео не реагирует. Домой по любому долетит, только пусто там. Своим приметам он доверяет, тогда он может остановиться, не лететь. Бывает такая погода, что даже его, Петрова норы и злость смиряет. Сколько раз его от полетов отстраняли, уволить грозились. Во вторые пилоты переводили. Но как только лететь в экстремалку, с врачом например, то идут за Петровым.

Вот премию за апрель и лишили, когда он, чуть ли не на брюхе, вахтовиков с буровой к самому отлету самолета притащил. Задержись они на трассе из-за непогоды на час, все, куковать им всю вахту в поселке, а не дома на Украине с женками нежиться около их теплых поп. От давления воздуха из-под винтов только рваные клочья кустарника со снегом разлетались в разные стороны, так низко над тундрой они шли. Видимость была почти нулевая. Петров боялся высоковольтную линию не заметить. Выше не поднимался. Пока глазами ее в снежном мареве не нащупал. А там приподнялся, скорость прибавил немного, вот и успели.

Так Петров свой теплый летный комбез и продал. Зато деньги Олежке отправил. Буровики обещали в благодарность пива с земли привезти. Забыли. По городу стали байки рассказывать, что он под проводами высоковольтной линии пролетел. Петров злится, что он, Чкалов что ли. Ничего он не делал такого. Начальство опять злится. Пилоты по отряду поддевают. Не мог этого он сделать, людьми рисковать, никогда.

На Большой земле давно июнь стоит, лето, а тут никакого тепла, колотун полный, ветер в спину промозглый дует. Одно слово, Север. Петрову в такую погоду идти на почту не хотелось, но надо Татьяне денег отправить, алименты. Она в суд не подавала, вот Петров каждое десятое число и отправляет сам. Почта далеко, в самом центре города. Пока с аэродрома доберешься, околеешь.

Завтра опять лететь с монтажниками на Ямал, там новое месторождение газа открыли. Первый десант строителей доставить к месту надо. Сегодня целый день новые полетные карты рассматривал, маршрут изучал. Сложно все. Снег еще не сошел. Основные ориентиры — это русла полярных рек. Они как змеи извиваются. Одна на другую похожие. Над одной и той же рекой сколько раз не пролетаешь, а она каждый раз другая. Репера конечно выставлены, но их еще найти надо. Петров конечно найдет, он сделает все как надо. Командир орет на него всегда, молодые пилоты думают, что он просто раздолбай. С ним бывают запанибрата, иногда подтрунивают над ним. Петров не реагирует, молчит. Он самый старший из них по возрасту. Все одногодки Петрова уже давно летными отрядами командуют, кто на земле, кто на полярных аэродромах. Только он никуда не лезет, не высовывается. Знает, за ним столько выговоров, замечаний. Каждый проверяющий из его вертолета зеленый выходит, скорей блевать бежит. Потом жалобы строчит, нарушения перечисляет. Куда ему с таким послужным списком лезть. Правда, Лебединский, старый товарищ по училищу, его к

себе в отряд на Мыс Каменный звал, это на восточном берегу Ямала. Но Петров не пошел. Зачем человека подводить. Теперь вот судьба их все равно сводит. Мыс Каменный никак не минуешь, там заправка, отдых. Этот полярный аэродром еще в войну был создан, как промежуточный для перегоняемых самолетов из Америки по ленд-лизу. Сейчас там полярный вертолетный авиаотряд для полуострова. Вот и Фонарев там, где-то на метео сидит. Вот бы встретить. Еще раз в лоб ему дать, гаду. Всю жизнь искалечил.

Петров устало взобрался на ступени почты, открыв тяжелую дверь, вошел внутрь. В зале было пусто и сумрачно. Он стащил с руки зубами рукавицу, взял бланк, стал заполнять. Дойдя до места для сообщений, задумался. Хотелось написать что-нибудь теплое, хорошее, но на ум ничего не шло. Перед глазами появились картины их жизни. Олег, спящий в кровати. Татьяна вяжет ему свитер. В полумраке их комнаты тихо, только тикают часы. Петрову было особенно хорошо в эти минуты.

На глаза предательски навернулась слеза. Он словно очнулся, смахнул ее. Быстро написал: «Привет Олежке!»

Сдал бланк и деньги в окошко.

Почтовая кассирша приняла бланк и деньги, только украдкой взглянула на Петрова. Его она знала, на почте работала давно. И его историю она тоже знала, и про полетные художества слышала. По Уренгою давно ходили легенды про летчика Петрова. Больше наверное выдумывали, может со страху... Заполнив квитанцию, она оторвала ее и, улыбнувшись, протянула Петрову. Тот молча взял, отвернулся и быстро ушел. Кассирша с грустью смотрела ему в след.

Утро в отряде началось как всегда с толкотни, шуток, незлобной брани. Все ждали результатов утреннего висения. Такой у вертолетчиков порядок. Дежурная машина запустит двигатели, разогреется. Потом, по разрешению диспетчера, приподнимется над взлеткой и на разных режимах повисит — то оглушит округу ревом турбин, то сбавит обороты, и так далее по заданной программе. Пилоты потом защелкают логарифмическими линейками, высчитывают плотность воздуха, давление, вес машины и так далее. Непосвященному не понять. Вот и Петров достал из голенища унтов линейку и быстро задвигал пластмассовым движком по линейке. Что-то высчитывал, записывал на листе бумаги, лежащему на планшете, столбиком цифры. Это были минуты священнодействия, никто не шутил, все сосредоточенные, прямо профессора. В эти минуты и рассчитывался весь предстоящий полет: количество горючего, длина маршрута, поправки на ветер, его скорость и направление, плотность воздуха и количество пассажиров, предполагаемый груз и всякие другие тонкости.

У Петрова задача сложнее, предстояла новая трасса. Здесь все сложнее. Запасные площадки, поселки по маршруту, наконец, примерное расположение стойбищ оленеводов. Он сосредоточенно изучал сводку метео по маршруту. Раскрыв карту, карандашом отметил по квадратам зоны облачности, ориентиры в этих квадратах, высоты с отметками. Короче, весь маршрут рождался здесь и в эти минуты. Вокруг лежали снега с оттаявшими проплешинами, самострой, балки, вытаянные из-под снега стихийные свалки мусора. А они, пилоты, в белых рубашках, галстуках, чисто выбритые. Авиация, значит порядок. Цивилизация, одним словом. Хотя байка ходит среди пилотов: «Где начинается авиация, там кончается порядок».

Минут через тридцать, Петров, сдав маршрутный расчет и получив подтверждение, сидел в машине. Сегодня ему досталась пятисот четвертая, та самая, которую Петров перегонял с завода. Аппарат хороший, проверенный, с виброгасителями. Это новое приспособление для гашения вибрации винтов при больших нагрузках. Петров привычным движением включил прогрев турбин, подождав до поднятия нужной температуры, стал раскручивать винты, затем включил зажигание. Двигатель, пустив черного дыма, захлопал и через секунду заревел. Петров дал газу. Турбины, зачихав копотью, заревели. Все, процесс пошел. Через пять минут двигатели прогрелись, выхлопы посветлели и стали невидимыми. Вошли бортмеханик и второй пилот. Ребята хорошие, Петров уже как-то летал с ними. Но подружиться не успел. Особенно механик, неразговорчивый, с пассажирами суров. В принципе, с ними так и надо. Главное, машину он знал хорошо. Перед полетом проверял все до мелочей. Без наличия аптечки, штатных лыж и прочей ерунды разрешения на полет не давал. Аэродромные механики бегали до пота, пока всем положенным не укомплектуют, не закрепят все на штатных местах.

* * *

Внизу появилась головная компрессорная, красивые дома поселка стояли рядами. Рядом разместились склады. Наблюдался общий порядок. Сверху все видно. Недаром все высокое начальство любит, при проверках, на вертушке все облететь. Потом на месте устраивают разнос. Петров, увидев из кабины, что где-то непорядок, не подставляет под обзор борт с начальником, чтобы тот не заметил случайного беспорядка. Пару лет назад остатки застывшего цемента строители в речку бульдозерами свалили. Сверху сразу заметно. Бардак конечно, но Петров видел, как до этого мужики дни и ночи таскали мешки, старались до тепла успеть убрать цемент в укрытие. Отряд комсомольцев на это дело

бросили. Досталось пацанам. Вот Петров и свернул в сторону, подставив важному начальнику из Москвы вид на карьер, где песок для стройки добывали. Там пейзаж другой, чисто, ровно, экскаваторы работают, самосвалы рядами. На пригорке ели зеленые стоят, красиво.

Обошлось тогда без крови для строителей. Они и не поняли, кто в этом им помог.

Увидев посадочную площадку, Петров завел машину против ветра, и стал снижаться. Там уже ждали.

Удивительно, но ждали его те самые комсомольцы, но совсем уже другие, не жалкие и изможденные от тонн спасенного ими цемента, а бравые, обветренные, окрепшие. Словом, настоящие монтажные волки, теперь в красивых, темно-зеленых зимних костюмах, с оранжевыми вставками на плечах. Приятно посмотреть.

Петров вышел, поздоровался. Стал определяться с грузом, количеством пассажиров. Через полчаса, погрузившись под руководством бортмеханика, они уже были в воздухе и взяли курс на север.

Внизу расстилалась тундра. Местами еще встречались редкие частокотлы хилых полярных лиственниц, еще не одетые в свой зеленый хвойный наряд. Но при наступлении тепла, буквально за ночь, все может преобразиться. Сойдут последние остатки снега, ручьи наполнятся и превратятся, на несколько дней, в бурные потоки. Тундра покроется зеленью, берега озер начнут обживать суетливые, торопящиеся птицы. Времени на Севере для вывода птенцов очень мало, надо спешить. Благо не надо его терять на поиски корма, его здесь тьма. Комаров тучи, ешь вволю сам, корми потомство, всем хватит.

Справа по борту струилась, поблескивая на солнце, железная дорога на Ямбург, новое, но уже быстро осваиваемое людьми месторождение газа.

«Как там пассажиры?» — спросил Петров, обращаясь к механику. Тот приоткрыл дверь и выглянул в салон. Вдоль борта сидели разморенные от тепла люди. Кто с интересом глядел в иллюминатор, кто, насмотревшись на однообразие тундры, дремал. Через час лету они пересекли воображаемую линию полярного круга, железная дорога ушла вправо, к конечной своей точке, большой стройке. Дальше некуда. Там Тазовский полуостров, а слева уже заблестела Обская губа, вся испещренная ледяными торосами. Здесь лед еще не тронулся. Только посинел, видимо от натуги. Талые воды реки Оби уже подпирают снизу. Скоро лед пойдет.

На высоком обрывистом берегу появился реперный знак, от него надо брать влево и далее прямо через губу до Мыса Каменного.

Через тридцать минут лета, на горизонте появилась тонкая полоска земли. Это Ямал.

Дав круг над мысом, развернув машину против ветра, Петров повел вертолет на посадку в самолетном режиме, тем самым сэкономив прилично керосину. Пригодиться, запас карман не тянет.

Зарулив на указанную, встречающим, стоянку, Петров заглушил двигатели.

«Всем сидеть на местах. Приготовить документы, мы в пограничной зоне. Будем ждать пограничный контроль», — скомандовал пассажирам механик. Те заерзали, роясь по карманам, доставая паспорта.

Пройдя контроль, второй пилот повел присмиривших монтажников в здание аэропорта. Механик остался колдовать у вертолета. Петров направился в диспетчерскую, отметить маршрутный лист, узнать какую погоду дают синоптики на завтра.

Аэропорт—сильно сказано, на самом деле, это маленькая постройка, с маленьким залом ожидания. Несколько скамеек вдоль серых стен. Спертый запах от прокисших меховых оленьих кисов, национальной обуви местного населения. Войдя в аэропорт, строители высыпали тут же обратно на улицу. Схватились за сигареты, стали закуривать, так противно подействовал на них дух внутри помещения. Пилот посмеялся над ними, объяснил, что это от жира, которым ненцы натираются, защищаясь от холода.

— Ничего, привыкните, — сказал он улыбаясь. — Это тоже экзотика.

Покрутившись на улице, подзамерзнув, решили все-таки еще раз попробовать войти внутрь. Они приоткрыли дверь, подержали ее открытой, пытаясь хоть немного проветрить зал. Там зароптали. Пришлось войти и закрыть. Через некоторое время пообвыкли, принялись, только один, все его дедом Батыжманским звали, не мог сидеть, то и дело бегал на улицу подышать.

Через какое-то время подошли механик со вторым пилотом, пригласили их в буфет, который, оказывается, находился за углом.

Ничего особенного в буфете из съестного не было, чай, хлеб, консервы, конфеты, какое-то заветренное мясо бурого цвета. Как оказалось, это была вареная оленина. Но дышалось здесь полегче.

Пришел Петров, чем-то озабоченный, расстроенный какой-то. Сказал, что погоды нет. Заказал чаю, оленины. Сел в углу, стал есть. Мясо оказалось вкусным и сытным. Остальные, глядя на него, тоже взяли мяса и стали есть.

Поев и напившись чаю, все вышли на воздух.

Бригадир монтажников стал приставать с расспросами к Петрову, тот отнекивался, ничего путного не говорил.

Потом психанул: «Мне что ли охота с вами тут сидеть. Погоды нет. Идет буран. Куда лететь? Кто разрешит? Ждать надо».

Повернулся и ушел в сторону диспетчерской.

Через час действительно задуло. Змейками потянулась поземка. Посыпал снег. Видимость упала до нуля. Усилился ветер. Завьюжило. О дальнейшем полете не могло быть речи. И видимо надолго. Надо было искать ночлег. С трудом людей разместили в общежитии. Петров нашел старого знакомого, ушел ночевать к нему. Вечером зашел командир отряда Лебединский. Как водиться выпили спирту. Поговорили о жизни, вспомнили училище.

Ночью раздался треск, шум — это лед на губе пошел лопаться. Под натиском ветра поднялась вода, он и не выдержал.

«Вот и к нам весна пришла», — проговорил Лебединский, стоя у окна и прислушиваясь к шуму, доносившемуся в форточку со стороны губы.

В дверь несмело постучали. Хозяин пошел открывать. Вошла взволнованная молодая женщина.

— Паша, не вернулся домой, — сказала она, обращаясь к Лебединскому, и заплакала.

— Подожди плакать, расскажи толком, откуда не вернулся? — спросил Лебединский, усаживая женщину на стул. Та заплакала еще сильнее.

— Дайте ей воды, — попросил он у хозяина.

Судорожно сделав глоток, она заговорила взхлеб. — Ушли... еще утром на губу... снимать сети, должны были вернуться к вечеру, и нет их. А там лед пошел, — проговорила она и опять зарыдала.

— Подожди плакать, — прикрикнул на нее Лебединский, — почему ушли? Я же запретил еще неделю назад выходить на лед.

— Откуда я знаю почему, Женька с метео уговорил, вот и ушли, сети жалко им стало, — произнесла она сквозь рыдания.

— Какой Женька? — спросил Петров у хозяина.

— Начальник метеослужбы Фонарев. Повادились они сети ставить, нельму ловили. Доловились, — ответил тот и продолжил. — Без рыбы здесь прожить тяжело, запасов рыбы не сделаешь, весь сезон мерзлую картошку с макаронами жрать будешь.

— Пожадничали, не сняли сети вовремя, бараны, — ругнулся в сердцах.

— Вот и встретились, — подумал Петров. — Опять беду людям принес, сволочь, — зло проговорил он вслух.

— Не понял, ты кого там ругаешь? — Лебединский обернулся к Петрову.

— Да так, дело прошлое, — ответил тот.

Кое-как успокоив женщину, Лебединский, быстро одевшись, ушел не прощаясь.

Петров проснулся от громкого стука в дверь. Когда открыли, вошел дежурный и, не здороваясь, попросил Петрова пройти к командиру отряда.

В ушах стоял легкий шум. — Переборщили со спиртом, что ли? — подумал Петров, нехотя вставая. Нет, все-таки шумело за окном. Лед идет.

Погода за ночь почти не изменилась, может снегу только меньше валить стало, но поземка мела вовсю.

Лебединский сидел за большим столом и что-то хмуро искал в картах. Увидев Петрова, молча указал на стул.

Петров присел не раздеваясь. Минуту помолчав, Лебединский заговорил: «Радар обнаружил слабое возмущение в четвертом квадрате. Объект смещается на северо-восток. Скорость смещения около километра в час. У них металлические сани с собой были, типа корыта. Просидеть в них они могут какое-то время. Но недолго. Или замерзнут, или раздавит льдом, а может и просто их перевернуть». Помолчав немного, он продолжил: «Пока их видит радар, есть надежда, что они живы».

— У Павла двое пацанов, неделю как отправили на землю, на каникулы к бабушке, — проговорил глухо Лебединский. Он встал, прошелся по кабинету.

— Надо лететь, может найдем? — он вопросительно посмотрел на Петрова.

Тот глянул в окно. Там ветер не ослабевал, видимость вроде прибавилась.

Петров прикинул скорость ветра, на глаз будет метров пятнадцать в секунду. Туда будет попутный, обратно встречный. Потеря горючего солидная. Можно по галсам сместиться на другую площадку. Но опасно, при такой поземке на полевою площадку опасно заходить. Заметить ее тоже тяжело. А если врач нужен будет, тогда надо тянуть против ветра на базу. Привычным движением он достал линейку и стал быстро высчитывать расход горючего. Получалось много. На три часа хватит, не больше, это при наличии дополнительного бака, — размышлял Петров.

— Я посчитал, не больше трех часов продержимся, на обратный путь только два часа остается в лучшем случае, если еще ветер позволит галсами идти. Если промахнемся, то, точно не дотянем.

Лебединский сел и опять уткнулся в карту.

— А ты кого ругал вчера, — спросил он Петрова.

Петров помолчал, потом медленно стал выдавливать из себя: «Фонарев, который на льдине, два года назад с женой моей... — он опять помолчал, потом продолжил, — я из рейса вернулся, а он у нас дома. Ему в морду дал, а с Татьяной больше не живем. Она с сыном у родителей, на Большой земле. Татьяна говорит, что ничего не было. А я и хочу верить, но не могу. Обидно».

— Я хотел тебя просить, со мной лететь. А тут такое дело, — расстроился Лебединский.

— При чем тут это. Я полечу только ради того, чтобы вытащить его оттуда и еще раз в рыло дать, гаду. Может, отпустит. А то душа мертвая стала.

— И потом, — продолжил Петров — не надо тебе лететь. Если что, не простят тебя, заживо съедят. Лучше я сам, только второго пилота толкового надо.

— Нет уж, никого я не смогу послать. Тогда точно съедят, если случится что с кем другим. Лучше сам. И тебя прошу как старого и опытного друга.

— Ну, тогда давай, нечего время терять. Считай тут, не считай, а один черт, все будет по-другому. Ситуация будет руководить нами и всевышний, — сказал Петров одевая шапку. — Командуй, командир.

Решили лететь на вертолете Петрова.

Неожиданно, воспротивился бортмеханик. Отказался оставаться. Сам полечу и все, мой вертолет, я отвечаю. Пришел второй пилот, и тот туда же. Полечу и все. Убедил Лебединского только тем, что может тросом людей поднимать придется, одному не вытянуть, а лебедки на борту нет. Пришлось согласиться.

Пока строители разгружали свой груз, каждый занялся своим делом. Петров прогрел двигатели, механик со вторым пилотом притащили трос, пояса, штормтрап, мешки. Лебединский пошел к диспетчеру, уточнить местонахождение и направление дрейфа точки возмущения. Попутно попросил завстоловой приготовить термосы с горячим чаем, и что-нибудь из еды.

Через час они были в воздухе.

Порывы ветра были довольно неприятны. Машину болтало. Но направление ветра было попутным. Дистанция до точки предполагаемого нахождения людей быстро сокращалась. Внизу сплошное поле рваного льда и отдельные пятна открытой воды. Поземки над губой не было, и то хорошо, но, заметить что-либо внизу, было сложно. В наушниках раздался голос диспетчера, быстрым, но четким голосом, стал сообщать свежую сводку синоптиков. Хорошего было мало, надвигался фронт мокрого снега и через минут тридцать должен был накрыть их квадрат. Только этого не хватало, — подумал Петров.

Вдали над поверхностью показалась слабая полоска черного дыма. Петров напрягся, Лебединский тоже встрепнулся.

— Они, — громко выдохнул бортмеханик, выглянув в салон, дал знак товарищу.

Остальное было делом техники. Сосредоточенно, сжав рукояти штурвалов, они управляли, сразу ставшей тяжелой и не очень послушной, машиной. Изменив шаг винта и его наклон, они сбросили скорость, снизили высоту. Петров почувствовал, как по спине заструились ручейки пота. Лебединский взмок тоже. Напряжение чувствовалось во всем.

— Показания приборов читай, — громко приказал Лебединский механику. Тот стал быстро комментировать. — Высота сто пятьдесят, горизонт тридцать, курс сто тридцать, смещение двадцать, — от напряжения у него вспухли вены на висках, — давление масла..., температура..., обороты... — и так далее по всем показаниям, понятным одним им, профессионалам. Сыпал терминами и цифрами, совсем неразговорчивый по жизни механик.

Стали видны, уже отчетливо, люди на льдине. В руках у одного дымилась подоженная тряпка, другой полулежал на льдине и махал им рукой.

— Открыть грузовой люк, сбросить спасательный трос, — скомандовал Лебединский. Механик метнулся в салон, там уже работал второй пилот.

Сброшенный конец троса беспомощно заболтался под давлением ветра, не доставая до льда. — Ниже десять! — орал механик, прижимая ларингофоны к горлу. — Еще пять левее, — командовал он. За трос ухватился один из бедолаг, стал подсовывать его под лежачего. Вертолет силой ветра стало относить в сторону. — Три влево! — орал механик. — Пять вниз!

Машина послушно опустилась, сдвинувшись, натужено ревя турбинами, на три метра в сторону людей. Там, воспользовавшись слабиной троса, сумели застегнуть ремни.

— Тащи! — громко скомандовал механик товарищу, и они, упершись коленями в пол, стали подтягивать трос. Побагровев от натуги, уже пилот, орал — Тяни!

— Не вытянут, — сказал командир, — надо помочь.

Петров, не видел, что происходит внизу, под брюхом вертолета, только слышал натужный рык пилота.

— Командир! Надо снизится до пяти, они выберут трос, ты поднимешься, а я им помогу. Время выиграем на

подъеме!

— Давай! — ответил Лебединский.

Вертолет стал медленно снижаться. Стоящий на льду рыбак пригнулся, потом присел от сильного потока воздуха из-под винтов. У него сдуло шапку, стало отъезжать корыто по скользкому льду. Он вцепился в него руками, спасая улов. Вдруг льдина с людьми зашаталась, корыто под напором ветра заскользило к краю, таща за собой человека.

— В верх! — заорал механик. У Лебединского от крика заломило в ушах. Он резко дал газ, увеличив шаг винта. Машина взмыла метров на десять. Это спасло находившегося на льдине рыбака от падения в стылую воду.

Втроем поднимать было легче. Перебирая руками, они через минуту подтащили человека к люку. Тот беспомощно болтался, махал руками, пытаясь зацепиться за край люка, но у него не получалось. Тогда Петров, крикнув, — Держи! — оставил трос, лег на пол и, потянувшись, ухватил за одежду висящего. Развернул его головой к люку, ухватился за воротник и стал тянуть его внутрь. Заорав, они втянули его почти по пояс. Вцепившись в него уже двумя руками, Петров, что было сил, рванул его внутрь и свалился вместе с ним на алюминиевый пол салона вертолета. Немного отдышавшись, он взглянул на спасенного, это был Женька Фонарев, изможденный, небритый, ошалевший от испуга. Странно, но Петров не почувствовал ни злости, ни радости. Он столько мечтал встретить этого подонка и убить его, но сейчас он чувствовал полное равнодушие к нему. Тот, увидев Петрова, встрепетнулся.

— Ты? — прошептал он изумленно, растрескавшимися, обветренными губами.

— Я, я... — ответил он, схватил за шиворот спасенного им Фонарева и потащил его от края люка.

— Не надо! — заорал испуганно тот.

— Лежи, не ори! — прикрикнул на него Петров, и стал отстегивать спасательный пояс. Тот, еще более испуганный, заорал, — Не надо!

— Ты что дурак, что ли, там человек, его тащить надо, — сказал он, и стал вытаскивать из под него пояс.

Вертолет отнесло ветром прилично в сторону. Развернув его против ветра, Лебединский пытался сблизиться с льдиной. Турбины натужно ревели, обороты были на пределе. Аппарат, так иногда летчики называли с уважением свои машины, стал медленно, перебарывая встречный ветер, приближаться к человеку. Сбросили трос, но его относил дугой в сторону. Конец троса с висющим на нем ремнем болтало во все стороны. Мужик попытался приподняться, но его опять понесло ветром к краю льдины. Он насилиу успел ухватиться за край корыта с лежащими в нем пожитками и мешком рыбы. Наконец, пояс хлестнул по нему и тот ухватился за пряжку.

Тут, вдруг, завихрился в потоках воздуха, обещанный синоптиками, снег. Видимость упала до нуля. Вертолет опять стало сносить. Трос натянулся. Значит он зацепился. И его стали тянуть вверх. Из-за снега внизу ничего не видеть, но они работали что было сил. Раз тяжело, значит он там. От натуги дрожали колени, пальцы немели, но они иступленно тащили. Вот появилась сквозь марево серая тень, из последних сил они рванули трос, в салон поднялось что-то серое.

— Это мешок! — в отчаянии заорал механик.

— Падла, он рыбу прицепил! — закричал пилот.

Петров метнулся в кабину.

— Командир, — заговорил он, надев наушники и прижав ларинги, — мы потеряли его, он прицепил мешок с рыбой вместо себя, а сам остался на льдине. А там ни черта не видно.

— Попробуй посчитать на сколько нас снесло, я курс заметил. Попробую еще раз подойти, — ответил командир.

Петров задвигал линейкой, считая, он шевелил губами, запоминал цифры.

— Метров на сто пятьдесят нас отнесло, — заговорил он в ларинги. — Ну ваш Пашка и мудака, — продолжил он. Уже бы домой летели, а так куда теперь. Горючки сколько потеряли. Снег, собака, откуда он в июле?

— Ямал, что тут скажешь. Мы привыкли. Вот только в такую погоду летать нельзя. Долбанемся с этой рыбой, больше ничего. Сам не знал, что он может выкинуть такое, — ответил зло Лебединский.

— Комментируй приборы, — попросил он Петрова, — ни фиги не видно.

Петров стал быстро говорить цифры.

В наушниках раздался голос механика: — Есть! Вижу, он внизу. Лебединский заработал педалями, штурвалом, пытаясь удержать машину. Сбавив обороты, стал медленно снижать вертолет, все время, возвращаясь к месту, боролся с ветром.

— Есть! — заорал механик и стал тянуть замерзшими, усталыми руками трос. Ему помогал второй пилот. Петров, оставив Лебединского одного, бросился к ним на помощь.

Изрядно помучившись, они втянули человека в салон. Тот, перевалившись через край, с испугу судорожно ухватился за скобу. Механик, закрыв люк, рухнул устало рядом. Все тяжело дышали. У Петрова кровь натужно пульсировала по венам, кружилась голова. Отдышавшись, он полез в пилотскую кабину, следом влез бортмеханик.

Достав линейку, стал считать.

— Горючего максимум на час осталось. Что будем делать, командир? — спросил он Лебединского.

— Идем на полуостров. Если что, будем садиться в тундре, — ответил он и взял ручку круто влево, выжав правую педаль. Вертолет, развернувшись, пошел галсом к северной части Ямала...

Через день, отдохнув, они высадили, не садясь, строительный десант в тундре, недалеко от нескольких, завезенных ранее, вагончиков. Петров дал круг над ними, словно надеясь, что эти пацаны запросятся назад. Но те упрямо стали пробираться к вагончикам, согнувшись от тяжести взваленного на плечи груза. Покружив над ними еще немного, он взял курс домой.

Наконец, появилось по-настоящему теплое солнце. По низинам заструились ручьи от последнего, нанесенного бураном, тающего снега. Далеко внизу летела пара белых лебедей. Они усталые, медленно, но красиво, летели над тундрой, ища свое место на этой земле. Петров, провожая их взглядом, думал о сыне, о Татьяне. Он уже знал, что он сделает первым делом, когда вернется. Он пойдет на почту. Потом купит билет. Пора домой, к семье.

Словно груз упал с его плеч. Ему стало легко и радостно от принятого им решения.

* * *

Почтовая кассирша, пробежав глазами по строчкам телеграммы, стала привычно считать буквы. Вдруг остановилась, вернулась к началу текста:

— Люблю зпт целую зпт простите тчк Лечу домой к вам тчк Навсегда тчк.

Прочитав, она глянула на Петрова и радостно улыбнулась ему. Вокруг сразу стало светлей и теплей.

По городу поползли слухи, что Петров, спасая людей, посадил вертолет на льдину в Обской губе. Но это уже неважно. У Петрова были дела поважней, и ему было некогда слушать и реагировать на пустяки. Тем более, что его из отряда уволили.

2004 г.
Москва

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уважаемые друзья, прочитав мои незатейливые труды, вы, наверное, подумаете — зачем все это? Зачем это надо? И вообще надо ли было. Некоторые мои друзья могут узнать себя, хотя я сознательно поменял фамилии, имена, наши дружеские прозвища. Конечно, я не мог в точности описать все наши действия, разговоры, мысли. Но само время, описанные мной события, порыв души молодежи того времени, самоотверженный тяжелый труд простых, душевных людей, — имели место. Те великие дела, творимые нашими руками, действительно были и нашей гордостью, и горечью разочарований, и нанесенной обидой нам, молодым, сильно, незаслуженно. А куда деть романтические, чистые порывы наших душ? Особенно в мутные времена перемен. Тогда нас сильно ранили упреками, незаслуженными обвинениями. Но кто наносил нам эти раны? Именно те, кто ничего не делал в то время, был равнодушным пожинателем плодов созидательного труда других, проводя почти все рабочее время в душных, заплеванных курилках бесполезных институтов за свои «пайковые» сто двадцать, или ведя бесконечные, пустые, пьяные, кухонные разговоры, или сбежав из цеха, прячась с бутылкой на пустырях от милиции, боясь оказаться в вытрезвителе, злобно роптали на свою тяжелую жизнь. Обвиняя во всем и власть, и своих свирепых тещ, и начальников, и коммунистов, и соседей, если те жили лучше, чем они сами. Виноваты были все — начальство не платит, коммунисты плохо строят светлое будущее, теща с женой не дают спокойно выпить.

И в мутное время перемен я что-то не видел их на баррикадах, ни с той, ни с другой стороны. Они оставались равнодушными и до перемен, наблюдая по телевизору, как другие электрифицировали страну, осваивали новые месторождения газа, прокладывали железные дороги, строили металлургические комбинаты, летали в космос, растили хлеб, учили детей, защищали Родину, в том числе и в далеком Афганистане. Теперь, по прошествии времени, когда моджахеды нападают с юга, а НАТО стоит у наших западных границ, мы начинаем понимать, что тогда в Афгане наши ребята гибли даром. Так вот, эти же люди равнодушно глазели в экраны, когда другие отстаивали Ельцина в Белом доме, и как он же расстреливал тот самый Белый дом. У одной власти хватило ума не стрелять в свой народ, спасая свою власть, у другой — рука не дрогнула открыть огонь из танков ради сохранения своей власти. Эти люди равнодушно смотрели, как одни убивают других. И когда задолго до этих событий грянул Чернобыль, равнодушные обыватели немного встревожились, но ненадолго, успокоенно перекрестились, слава богу, не у нас. Именно предательское, опасное для нас равнодушие, описано в моих рассказах. И когда героически отдавал свою жизнь ради спасения других моряк Григорий, а выйдя в запас по здоровью, чувствовал полное равнодушие к себе, переживал свою ненужность в гражданской жизни. И когда погибал в полярных снегах Ямала, собирательный образ Тимохи. И когда бессмысленно бился на баррикадах Иван, прообраз бывшего журналиста Виктора Ампилова, работавшего когда-то в редакции зарубежного вещания, откуда вышли и стали популярными ведущими на телевидении Любимов, Листьев и другие. Именно журналист Виктор Ампилов провожал нас на Север, брал интервью в Москве, в поезде. Мерз с нами в холодных, необжитых общагах. Когда все журналисты уже давно сбежали, он все работал, брал интервью у изможденных ребят, тут же забавно все переводил на испанский язык. Все его репортажи направлялись на Латинскую Америку. Уже тогда он нам высказывал мысли о необходимости изменений у нас в стране. Мы отмахивались от него, не понимали. Через год он уже был в джунглях Никарагуа и вел оттуда эмоциональные репортажи о партизанах. Потом он пропал с экранов телевизоров. И только в 95-м я увидел его снова по телевизору. Они, бывшие коллеги, оказались по разные стороны баррикад. В новостях, показали маленький репортаж о его аресте. Это и стало мотивом для написания рассказа «Пустая кровь». В нем я передал свои ощущения, когда 5-го октября вместе с незнакомыми мне людьми пытался остановить колонну танков на Калининском проспекте в районе Арбатской площади, позже попал под перекрестный автоматный огонь защитников Белого дома и бойцами ОМОНа во дворах около кинотеатра «Октябрь», до сих пор, кстати, закрытого. Тогда я чудом остался жив. Какие-то растерянные и испуганные пацаны метались под пулями, увидев меня, взрослого, они спрятались за мной, и я не мог ни лечь, ни уползти — они испуганно дрожали за моей спиной, как будто она могла их спасти. Пробегавший мимо ОМОновец, с испугу саданул по нам очередь из автомата. Только щепками от разбитых ящиков и осколками битого кирпича нас немного посеколо. И через минуту, разобравшись, этот же молоденький воин прикрывал нас собой, пока я с пацанами перебежал в безопасное место.

В моей маленькой повести о ребятах из комсомольского строительного отряда действие происходит задолго до тех

кровавых событий, там все перемешано — и благородные порывы, и мерзость бесхозяйственности, и унижение национального достоинства, и равнодушие ко всему происходящему, и грядущая ненависть к существующей системе.

Конечно, приятно было видеть тогда, в далекой южной Молдавии, как радуется старый крестьянин пришедшему в его дом газу. Это был настоящий праздник. Еще совсем недавно он топил свою печь сушеным кизяком, нарезанным им из коровьего навоза. И очень обидно стало видеть, как наживается и богатеет кучка проходимцев, пользуясь плодами твоих трудов. И среди них значительное количество бывших комсомольских вожаков из тогдашнего ЦК. Горько слушать сетования людей сегодня по поводу огромных цен на газ. В той же Молдове, теперь она так называется, на улицах перед дворами опять появились штабели уложенного для сушки кизяка. Противно видеть, как этот же обнищавший народ поучают с экранов телевизоров те же вожаки, но теперь миллиардеры, одни прячась за границей, другие из тюремной камеры, третьи из Белого дома.

Одно только вселяет гордость, что именно благодаря результатам нашего труда, Россия смогла пережить самое тяжелое время. Именно газовая труба смогла обогреть и накормить народ. Когда уже почти все разорили и разворовали в стране, остались четыре составляющие — нефте- и газопроводы, Единая электрическая сеть и железные дороги. И хотя их нещадно эксплуатируют, разворовывают, уничтожают, они живут, работают — пока.

С приходом новых руководителей страны, новых, умных сил, появилась надежда, что все у нас будет хорошо. Пройдет время, придут молодые, будут строить, будут двигать прогресс. Наверное, с удивлением и недоумением будут слушать наши рассказы о прошлом. Поправят наши ошибки, осудят пустую кровь, дадут всему свою оценку. Допустят свои ошибки. Главное, чтобы их было меньше и без бессмысленной крови. И очень надеюсь, что в этом им помогут мои маленькие зарисовки своего времени.

Я, конечно, не писатель, но я пытался выразить все, что накопилось во мне. Еще много мог бы я рассказать интересного — свидетелем разных событий мне повезло быть. И основание поселка на реке Сабетта. И строительный десант с вертолета на новое Бованенковское месторождение газа на полуострове Ямал, с высоты трех метров в снег (вертолет не мог ниже опуститься, поднимавшаяся снежная круговерть, слепила пилота). И наступивший там голод, когда кончились продукты, а вертолета все не было из-за продолжительных буранов и, отчасти, опять из-за равнодушия других. Первые появившиеся вертолеты привезли министра, который хотел угостить нас апельсинами. Сейчас смешно вспоминать об этом, как бы мы их ели на пустой желудок. И была у нас радость от вида маленького флажка, установленного над нашим первым поселком, и от зажженного факела на первой буровой. И есть у меня чувство обиды, и горечь досады от тупого и бездарного руководства тогдашних руководителей нашей страны, вылившегося в бессмысленное противостояние народов. Я был свидетелем событий на юге Молдовы, в моей родной Гагаузии. Опять же огромное равнодушие к маленькому, но гордому и трудолюбивому народу проявило тогдашнее, уже умирающее, руководство СССР. Волей судьбы я оказался там в то время. Я так счастлив, что обошлось без крови. И горько мне от ужасных событий в Приднестровье. И мне было стыдно, когда меня упрекали мои земляки, почему молчит Россия? Почему она бросила нас? Мы так верим в нее. Я тоже верю в нее, верю, что она опять объединит нас. Было бы только желание у нас самих. Для этого надо победить в себе один из главных пороков — равнодушие.

Чтобы все это изложить, нужен новый порыв души, но мне кажется, основное, что я хотел передать, я сделал. Сделал, как мог.

С уважением, Петр Станев.
2004 г.
Москва